

КОРОЛЬ РЕПЛА И КОРОЛЕВА НОЖЕЙ



18+

Элина Кова

Король пепла и королева ножей

«Автор»

2026

Кова Э.

Король пепла и королева ножей / Э. Кова — «Автор», 2026

Эпоха Короля-Солнца умерла, оставив после себя разоренную казну, гниющие раны городов и пустую колыбель наследника. У руля умирающей империи встает Филипп Орлеанский — человек со взглядом мраморной статуи и сердцем из замерзшей ртути. Его называют регентом, но он уже чувствует себя королем теней. Его невеста, Луиза-Антуанетта, — избалованная принцесса, привыкшая к шелку и поклонению. Но первая брачная ночь случается не в дворцовой опочивальне, а в вонючем наемном фиакре посреди Парижа, где вместо свадебного марша звучит свист полицейской плетки. Это не насилие — это объявление войны. Чтобы спасти Францию от голода и бунтов, им придется превратить свою постель в главный инструмент управления государством. Он будет продавать её тело банкирам ради мешков с зерном, а она — подписывать смертные приговоры его кредиторам, лежа под ним на карте страны. Они будут торговать церковным серебром, топить предателей в Сене и строить империю на костях тех, кто посмел назвать их самозванцами.

© Кова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вонь формалина и дешевое шампанское	5
Глава 2. Чернила вместо яда	8
Глава 3. Запах серы и фальшивых гиней	10
Глава 4. Искусство падать ниц	13
Глава 5. Кровь, чернила и лаванда	16
Глава 6. Кровь на кружевах	19
Глава 7. Алтарь из костей	22
Глава 8. Пыль на алтаре	25
Глава 9. Ржавчина на золоте	28
Глава 10. Въезд триумфаторов	31
Глава 11. Кровь на булыжниках	34
Глава 12. Шерсть и пепел	37
Глава 13. Продажа призраков	40
Глава 14. Соль на ранах	44
Глава 15. Пепел и мирро	47
Глава 16. Холод алтаря	50
Глава 17. Ржавчина на лилиях	52
Глава 18. Строительство власти	55
Глава 19. Механизм из плоти	58
Глава 20. Эпилог для двоих	60

Элина Кова

Король пепла и королева ножей

Глава 1. Вонь формалина и дешевое шампанское

Смерть Короля-Солнца

Париж задыхался в августе 1715 года. Людовик XIV гнил заживо уже третью неделю, и Великий отворот крови превратил Тюильри в филиал преисподней. Высшая аристократия Франции была обязана присутствовать при этом. Часами стоять в душном зале, слушать монотонное бормотание хирургов и падать в обмороки не от горя, а от миазмов.

Филипп Орлеанский стоял у открытого окна, игнорируя этикет. Его лицо было бледным даже под слоем рисовой пудры, но глаза оставались ясными, холодными и абсолютно трезвыми. Пока его дядя превращался в восковую куклу, принц просчитывал стоимость перевозки двора обратно в Париж. Версаль был золотой клеткой для дураков. Настоящая власть всегда пахла сточными водами Сены.

— Он оставил нам империю из папье-маше, — раздался рядом женский голос. Низкий, с легкой хрипотцой курильщицы. — И пустой сундук.

Филипп медленно повернул голову. Рядом стояла герцогиня де Берри, его крестница. Ей едва исполнилось восемнадцать, но по части цинизма она могла дать фору любому министру старого короля. Платье цвета слоновой кости сидело так тесно, что казалось нарисованным прямо на коже. Она пила неразбавленное бургундское прямо из горлышка.

— Тише, Анна, — лениво бросил Филипп. — Твои соски протыкают атлас. Архиепископ Реймский еще не ослеп окончательно.

Герцогиня фыркнула и вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Пусть смотрит. Говорят, он предпочитает мальчиков. Хотя бы мои настоящие.

Уголок губ Филиппа дрогнул. Это была самая теплая эмоция, которую он позволял себе на публике годами.

В этот момент двери распахнулись. Церемониймейстер ударил жезлом о паркет, но звук вышел глухим, жалким.

— Ее Светлость Луиза-Антуанетта де Лаваль-Бофор!

Она вошла одна. Без свиты и без отца, который предпочел отправить дочь навстречу политической гильотине, оставшись в провинции пересчитывать остатки зерна. На ней была маска ворона — черная, клювастая, из лакированного дерева. Уродливая вещь, закрывающая половину лица и делающая дерзость рта еще более вызывающей.

Платье винного цвета имело такой глубокий вырез, что при каждом вдохе открывало верхнюю кромку груди. Корсаж был расшит рубинами размером с голубиное яйцо. Кровь убитых гугенотов, отстраненно подумал Филипп. Или долги ее семьи перед Генеральными штатами.

Она остановилась посреди зала, обвела взглядом гниющий труп короля, потных министров и мертвецки пьяную крестницу регента. А затем сделала глоток из бокала проходящего мимо лакея. Шампанское полилось по подбородку.

Филипп оттолкнулся от подоконника. Любопытство было единственным пороком, который он никогда не мог рассчитать заранее. Эта девчонка либо обладала титановыми нервами, либо была клинически глупа. Оба варианта требовали инспекции.

Он подошел к ней сзади, бесшумно, как кот.

— Вы наступили мне на шлейф, месье, — произнесла она, не поворачивая головы. Её взгляд был прикован к фиолетовым пятнам разложения на лице покойного монарха. — Если

хотели познакомиться, достаточно было попросить задрать юбки. Это сэкономило бы нам время и спасло шелк.

Зал затих. Кто-то поперхнулся мадерой. Герцогиня де Берри перестала икать. Архиепископ торопливо перекрестился.

Холодный ум Филиппа впервые за вечер дал трещину. Никто во Франции не смел говорить с ним — первым принцем крови — в таком тоне. Даже шлюхи в борделях на улице Муффетар начинали лепетать извинения, стоило ему нахмуриться.

Упрямство взяло верх над удивлением. Девчонка хочет грязи? Она получит грязь Парижа, а не бархат Версальских будуаров.

— Следуйте за мной, — сказал он ровным голосом, беря её под локоть. Пальцы сомкнулись на предплечье чуть сильнее необходимого. — Нам нужно обсудить условия нашего брака.

Он повел её не в Малый кабинет с диванами. Вывел через черный ход, предназначенный для выноса мусора и тайных побегов куртизанок, прямо под ледяной августовский дождь.

На брусчатке темнели лужи конской мочи и помоев. Принцесса — будущая королева Франции — споткнулась, подскользнувшись на рыбьей чешуе. Маска скрыла румянец ярости, заливающий скулы.

Филипп свистнул. Подкатила наемная карета без гербов, пропахшая кислым потом, дешевой свечной гарью и блевотиной предыдущего пассажира. Кучер дремал, свесив голову.

Принц втолкнул девушку внутрь. Деревянное сиденье оказалось жестким и влажным. Внутри было темно, хоть глаз выколи.

— Куда мы едем? — спросила она. Избалованная интонация исчезла, сменившись чистым любопытством. Она поправляла маску, но пальцы, сжимавшие бархат сиденья, побелели.

— Проверять вашу теорию, — ответил Филипп. Сел напротив, расставив колени. Темнота делала его профиль резким, хищным. — О юбках. Я хочу посмотреть, действительно ли ваш язык бежит впереди вашей крови. Раздевайтесь.

Тишина повисла такая, что стал слышен храп кучера и шум дождя по крыше.

— Что? — выдохнула она.

— Шелк стоит дорого, — напомнил он её же слова. Голос звучал скучающе, словно он диктовал секретарю указ о пошлине на соль. — Вы экономны. Докажите. Снимите платье.

Это была месть. Холодная, расчетливая казнь её гордости. Унизить высокородную суку в вонючего парижского фиакра, доказать, что вся её дерзость — лишь позолота на меди. Он смотрел на неё в ожидании, расстегивая собственную подвязку.

Луиза-Антуанетта сглотнула. Внутри всё кричало: плюнуть ему в лицо, закричать, потребовать стражу. Но воздух в карете вдруг стал густым и тяжелым. Приказ прозвучал не как насилие. Он прозвучал как вызов.

Избалованная девочка внутри хотела истерики. Дерзкая женщина, которой она притворялась весь вечер, решила сыграть.

Она подняла руки. Медленно, глядя ему прямо в глаза поверх клюва маски, начала развязывать ленты корсажа. Звук рвущейся ткани показался выстрелом. Верхняя часть платья упала к талии, обнажая грудь, которая никак не сочеталась с ядом её речей — высокую, тяжелую, с веснушками на левой ключице. Совершенно не идеальную. Живую.

— Экономия превыше всего, ваше высочество, — прошептала она. — Надеюсь, мой вклад покроет ущерб вашему бюджету?

Прежде чем он успел ответить или хотя бы моргнуть, она рванулась вперед. Не для поцелуя. Используя замешательство принца, схватила его за шейный платок, дернула на себя, используя инерцию движущейся кареты, и впиалась зубами в нижнюю губу. До крови.

Филипп зарычал — тихо, по-звериному, чего сам от себя не ожидал. Его план рассыпался в прах. Инстинкт потребовал доминировать немедленно.

Его руки оказались на её бедрах раньше, чем карета миновала Лувр. Он вбил её в деревянную стенку экипажа, задрал мокрые юбки грубой шерстяной ткани, разрывая тонкое бельё одним движением большого пальца. Она вскрикнула — скорее от злости, чем от боли — и вцепилась ногтями в его плечи, царапая дорогой камзол.

Карету швыряло на поворотах. Их тела сталкивались в такт ухабам — жестко, беззвучно, если не считать тяжелого дыхания и шума ливня. Это был не секс влюбленных. Это была драка, закончившаяся коитусом. Борьба за территорию. Он доказывал свою власть, насаживая её на себя снова и снова, пока она не выгнулась дугой, впиваясь зубами в собственное запястье, чтобы не закричать, кончая слепо, ненавидя его за каждый миллиметр этого вторжения.

Когда всё закончилось, они остались сидеть друг напротив друга. Карета резко остановилась. Храп прекратился.

Филипп застегнул пуговицы камзола. Его движения были прежними — точными, механическими. Достал из внутреннего кармана кружевной платок, стер кровь со своей губы и размазанную помаду с её подбородка. Затем посмотрел на разорванный рукав её платья.

— Ткань испорчена, — констатировал он тем же скупающим тоном, которым встретил её час назад. — Мой казначей возместит ущерб. Можете считать себя представленной ко двору.

Он открыл дверцу. Ливень ворвался внутрь. Филипп выбрался на улицу, даже не подав ей руки, и захлопнул створку. Щёлкнул кнут.

Карета тронулась, оставив Луизу-Антуанетту одну. Она сидела в темноте, чувствуя, как между ног пульсирует боль, а по щекам текут не слезы унижения, а капли дождя, залетевшие в окно.

Её первая брачная ночь состоялась до свадьбы. Жениха звали Филипп. И только сейчас, дрожа в несущемся по ночному Парижу фиакре, она поняла правила этой игры.

Политический брак будет войной. И этот холодный ублюдок только что сделал первый ход. Оставалось надеяться, что отец успеет собрать достаточное количество золота, чтобы выкупить её тело обратно, потому что душу этот принц уже украл вместе с девственностью.

Глава 2. Чернила вместо яда

Утро началось с счёта за испорченное платье.

Луиза-Антуанетта нашла бумагу на серебряном подносе рядом с шоколадом. Почерк регента был острым, как лезвие бритвы:

«Мадам. За вычетом стоимости шёлка (три туаза), кружев и морального ущерба камеристки... Итого: две тысячи ливров. P.S. Шёлк был дешёвым. В следующий раз выбирайте ткани тщательнее».

Две тысячи ливров. Он выставил ей счёт за собственное насилие. Избалованная часть её души хотела разбить зеркало. Дерзкая — решила вернуть долг с процентами.

К полудню месть была приведена в исполнение. Кабинет Филиппа находился в Палатке Рояле прямо над кухонным блоком и выходом для помоев. Луиза лично отдала приказ мажордому: «В покоях герцога Орлеанского слишком сухо. Пусть слуги выливают содержимое ночных горшков ровно в полдень. Я хочу проверить тягу дымоходов».

Филипп сидел над гроссбухами, когда первые капли густого дождя из мочи и мыльной воды пробили потолок и упали прямо на колонки цифр, описывающих дефицит бюджета Франции. На его лице, скрытом от посторонних, промелькнуло нечто похожее на одобрение. Девчонка играла по правилам двора: бей по репутации и комфорту, никогда — по лицу.

Их первая встреча за ужином напоминала дуэль шпагами под скатертью.

— Стекло тяжелее рубинов, — Филипп лениво ковырял вилкой паштет. — Вы будете сутулиться. Королевы не сутулятся.

— Зато оно блестит так же ярко, — парировала Луиза. — Никто не отличит блеск нищеты от блеска достатка, пока не подойдёт вплотную. К счастью, ваше высочество, никто здесь не осмелится подойти ко мне настолько близко без вашего приказа.

— Они подойдут, если я им заплачу. Или если вы продолжите заливать мой кабинет дерьмом моей прислуги. Кстати, ваш отец задерживает приданое. Мне заложить ваши стеклянные рубины или вашу девичью честь?

Это был удар ниже пояса. Она побелела. Отец любил её, но казна провинции Лаваль-Бофор сейчас значила для него больше, чем дочь-сорванец.

— Если вам нужны деньги, обратитесь к англичанам, — голос Луизы стал опасно сладким. — Говорят, их принц любит переодеваться в горничных. Возможно, он одолжит вам пару гиней.

Архиепископ Бордоский поперхнулся вином. Герцогиня де Берри проснулась.

Филипп отложил салфетку. Его лицо снова стало непроницаемой маской.

— У английского принца сифилис третьей стадии, ему не до веселья. Но попытка засчитана. Жду вас завтра в девять утра в библиотеке. Принесёте перья и чернила. Будем учиться писать анонимные письма. Раз ваша латынь ограничивается молитвенником, а моя репутация требует защиты от вашей родни-шлюхи, мы займёмся делом. Опоздаете — следующие два счёта оплатите натурой.

Утром Филипп уже ждал её у окна в библиотеке, кутаясь в халат. Под глазами залегли глубокие тени — мигрень грызла его левый висок.

— Садитесь, — кивнул он на бюро. — Тема сочинения: «Почему вдова брата покойного короля сосёт золото из Франции быстрее, чем пиявка кровь из телёнка». Используйте метафоры. Двор обожает зоологию.

Следующие четыре часа они провели в тишине. Это было самое интимное действие, которое между ними случилось.

Филипп диктовал факты. Сухие цифры взяток, которые берёт тётка-регентша. Имена поставщиков гнилого сукна для армии. Суммы откатов судебных.

Луиза облакала это в слова. Её почерк оказался хищным, летящим. Она умела ненавидеть красиво. Когда она назвала любовницу тётки «гнилостной воронкой Сен-Дени», Филипп впервые едва заметно усмехнулся:

— Оставляем. Звучит убедительно.

Они писали пасквилы. Во Франции начала XVIII века это называлось *«мазаринадами»* — ядовитыми анонимными листками. Их не печатали в газетах, которых почти не существовало. Их писали от руки каллиграфическим почерком, чтобы нельзя было узнать автора, и подбрасывали в будуары министров, подсовывали под тарелки на балах или передавали через уличных торговцев. Один удачный памфлет мог обрушить курс акций всей страны или заставить королевскую фаворитку бежать из Парижа. Это было страшнее кинжала, потому что кинжал убивает одного человека, а слово убивает репутацию целого рода.

Когда солнце поднялось выше, Филипп потянулся, хрустнув суставами. Забрал оба листа.

— Мы пишем хорошо. Как единый организм. Жаль, что трахаемся как кошка с собакой. Неэффективно.

Он развернул её кресло к себе. Резко, царапнув ножками паркет. Опустился на колени прямо на холодный каменный пол между её ног.

— Давайте проверим теорию синергии здесь, — глухо произнёс он, расстёгивая крючки её юбок. — Посмотрим, сможете ли вы кончить, не сломав мне нос. Диктуйте темп.

Это не было похоже на животную спешку кареты. Это был расчётливый, медленный акт владения. Он изучал её тело так же внимательно, как бухгалтерские книги, методично доводя её до исступления, цифра за цифрой, толчок за толчком.

Позже, сидя на полу среди разбросанных бумаг и привалившись спиной к его груди, она смотрела на свой почерк.

— Отец пришлёт золото через неделю, — тихо сказала она, просто чтобы разорвать тишину.

— Знаю, — ответил Филипп, дыша ей в макушку. Он вытащил из вороха черновиков чистый лист. — Поэтому завтра мы будем писать вторую часть. Про архиепископа. У него страсть к мальчикам-алтарникам. Справедливость должна быть всеобъемлющей.

Он протянул ей новое перо. Их пальцы соприкоснулись. Война никуда не делась, но теперь у неё появилось общее банковское дело и общий яд в чернильнице.

Глава 3. Запах серы и фальшивых гиней

Париж сошёл с ума от из-за денег.

Система Джона Ло превратила улицы в сумасшедший дом. Графини продавали фамильные алмазы, чтобы купить бумажки «Миссисипской компании», а вчерашние лакеи швырялись полными кошельками золота перед уличными девками. Воздух дрожал от лихорадочного ожидания чуда. Филипп Орлеанский смотрел на это из окон Пале-Рояля с усталостью врача у постели чумного больного. Он знал, что пузырь лопнет, похоронив под собой остатки репутации короны, но пока золото текло рекой, его нужно было использовать.

Луиза-Антуанетта заразилась этой лихорадкой быстрее остальных. Впервые в жизни она видела столько богатства вокруг себя — не тяжёлого, векового золота её отца-скопидома, а лёгкого, шального, пахнувшего типографской краской и табаком. Она заказала себе новый гардероб за один вечер, расплатившись векселем, который сама толком не понимала как заполнять.

— Вы разорите меня раньше, чем я успею посадить вас на трон, — процедил Филипп, когда портной принёс счёт за платье из лионского бархата, расшитое настоящим жемчугом. Они сидели в малой столовой. На столе перед регентом лежали донесения о бунтах в Лионе — народ уже начинал голодать, пока знать скупала акции воздухом.

— Я просто соответствую статусу вашей будущей жены, — пожала плечами Луиза, лениво ковыряя серебряной ложечкой бланманже. — Или вы хотите, чтобы королева Франции выглядела как дочь провинциального мытаря?

— Я хочу, чтобы моя невеста перестала вести себя как дура. Эти бумаги ничего не стоят. Когда всё рухнёт, ювелиры придут ломать вам пальцы, а не мне.

— Тогда научите меня, как превратить бумагу в землю и камни, — она подняла на него глаза. В них впервые не было яда. Только азарт. — Вы же самый умный человек во Франции. Научите меня играть.

Филипп долго молчал, разглядывая её лицо без маски. Веснушки на ключице, которые он заметил ещё в карете, сейчас были припудрены, но он знал, что они там.

— Играйте только на чужие деньги, — наконец сказал он. — И никогда не влюбляйтесь в свои ставки.

Вечером того же дня их хрупкое перемирие едва не рассыпалось в прах.

Причиной стала Аделаида де Тианж.

Маркиза устроила философский ужин. Никаких оргий, только музыка Моцарта, который недавно приехал покорять Париж, и дискуссии о Вольтере. Свечи в настоящих восковых подсвечниках, слуги в напудренных париках, разговоры полушёпотом. Для Филиппа этот салон был убежищем. Местом, где можно снять маску циничного ублюдка и снова стать мальчиком, читавшим Плутарха при дворе деда.

Луизу туда не звали. Но она пришла.

Она вплыла в салон посреди спора о природе души. На ней было то самое вызывающее платье цвета бургундского вина. Декольте открывало грудь почти до сосков. От неё пахло не розовой водой маркизы, а терпкими духами из квартала Сен-Жак — смесью мускуса, пота и дешёвых притираний.

Разговоры оборвались. Философы смотрели на неё так, словно в церковь вбежала голая маркитантка.

— Прошу прощения, что прерываю ваш кружок рукоблудия, — громко сказала Луиза, обводя взглядом гостей. — Но мой будущий супруг забыл дома свою любимую грелку для ног. Я принесла.

Аделаида де Тианж медленно поднялась. Высокая, бледная, с идеально уложенными волосами. Она олицетворяла всё, чем Луиза-Антуанетта пыталась казаться: утончённость, власть интеллекта и неприступность.

— Ваше высочество, — голос маркизы был ровным, как лезвие рапиры. — Мы обсуждаем бессмертие души. Боюсь, тема горячих камней нам сегодня не близка.

— О, бессмертие! — всплеснула руками Луиза. — Как удачно. Мой духовник говорит, что блудницы попадают в рай первыми, потому что умирают уставшими. Может быть, вы расскажете нам про душу после третьей бутылки шамбертена? Говорят, в таком состоянии границы миров становятся прозрачнее.

Это была пощёчина. Публичная, звонкая. Луиза била по самому больному — по лицемерию салона, где все спали друг с другом, прикрываясь томиками Руссо.

Филипп поднялся. Его движение было резким, как удар хлыста. Глаза заledenели.

— Мадемуазель, — обратился он к невесте, игнорируя побелевшее лицо маркизы. — Вы выглядите утомлённой. Свет этого общества слишком тускл для вашего острого зрения. Извольте удалиться в свои покои. Немедленно.

Он не повышал голоса. Это пугало больше любого крика. Холодное публичное унижение регента перед любовницей (а весь двор знал, что Аделаида — нечто большее, чем просто подруга) было страшнее удара кулаком.

Луиза посмотрела на него. Затем на маркизу. Улыбнулась уголком губ, сделала глубокий реверанс, от которого шёлк платья опасно затрепал, и вышла.

Но выходя, она намеренно задела плечом столик, сбив хрустальный бокал прямо на колени мадам де Тианж. Красное вино растеклось по бледно-голубому шёлку точь-в-точь как кровь.

Ночью он пришёл к ней сам. Без стука. Замок щёлкнул тихо, но звук показался выстрелом.

Луиза стояла у окна, глядя на огни безумного Парижа. Она даже не обернулась, когда он вошёл.

— Пришли читать нотации? — спросила она в стекло. — Могли бы сделать это в библиотеке. Там удобные кресла.

— Пришёл закончить наш спор, — ответил он.

Он подошёл вплотную. Не касаясь. Между ними оставалось расстояние в ладонь.

— Вы опозорили меня сегодня, — сказал Филипп. Его дыхание шевелило волосы на её затылке.

— Вы опозорили себя сами, когда выбрали монахиню вместо королевы, — она повернулась. Глаза горели сухим огнём. — Она держит вас за идиота, Филипп. Сюсюкает, играет на клавесине, называет вас «солнышком» и думает, что управляет Францией через вашу ширинку. Я хотя бы честна в своей жадности.

Его рука взметнулась быстрее, чем она успела моргнуть. Звонкая пощёчина отбросила её голову в сторону. Боль обожгла щёку.

Луиза не вскрикнула. Медленно повернула голову обратно. Провела языком по прокушенной изнутри щеке. Попробовала собственную кровь.

— Это всё? — выдохнула она. — Обычно вы действуете убедительнее.

Этого хватило.

Упрямство Филиппа столкнулось с её дерзостью. Его расчётливость — с её саморазрушением.

Схватив её за плечи, он впечатал невесту в холодное стекло окна. Париж внизу сиял океаном фальшивого золота.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — прошипел он ей в губы. — Ни-че-го.

— Так просвети меня, — она обвила его ногами, притягивая ближе, царапая ногтями его спину сквозь тонкую ткань халата.

Этот раз не имел ничего общего ни с грязной лавкой в экипаже, ни с методичной библиотекой. Это был акт чистого доминирования и отчаяния. Он брал её стоя, прижав лицом к стеклу, грубо, почти жестоко, наказывая за сцену в салоне и одновременно доказывая самому себе, что именно он имеет право решать, кто будет стоять рядом с ним на троне.

Когда судорога наслаждения скрутила обоих одновременно, Луиза разбила локтем витражное стекло. Осколки посыпались в ночь, смешиваясь с дождём. Кровь выступила на коже мелкими каплями.

Они стояли, тяжело дыша. Спина к спине. Между ними и Парижем теперь была лишь пустая оконная рама и холодный ветер.

— Она знает, где спрятаны кости французской монархии, — внезапно глухо сказал Филипп, глядя на осколки у своих ног. — Аделаида... Она единственная, кому я доверяю списки агентов. Если твой отец решит взбунтоваться, именно она отдаст приказ армии подавить мятеж. Моя «монахиня» командует теневым кабинетом министров.

Луиза молчала, чувствуя, как по порезанной руке течёт тёплая струйка крови. Весь её яд застыл в горле комом.

— Возвращайся завтра в салон, — продолжил он тем же мёртвым голосом. — Извинись перед ней. Целуй руки. Плачь, если придётся. Стань её тенью. Мне нужен доступ к её переписке, а тебе нужна защита, когда мой карточный домик рухнет. Вопросы есть?

Вопросов не было. Была только пульсирующая боль в разбитой руке и понимание: война за корону только что перешла из стадии пьяной драки в стадию настоящей, взрослой бойни, где постель — всего лишь способ обменяться заложниками.

И дата их свадьбы, записанная кровью в церковных книгах, вдруг показалась Луизе не триумфом, а датой вынесения приговора.

Глава 4. Искусство падать ниц

Извиняться перед Аделаидой де Тианж было всё равно что целовать ядовитую змею, надеясь, что она не укусит от удивления.

Луиза-Антуанетта выбрала для визита самое простое платье из небелёного льна — то, в котором обычно принимала ванну. Никакой пудры, никаких румян. Лицо выглядело бледным и осунувшимся после бессонной ночи, разбитая рука была аккуратно спрятана в складках ткани. Она играла роль кающейся грешницы, но глаза оставались ясными и холодными.

Маркиза приняла её в «комнате совести» — крошечном кабинете без окон, сплошь заставленном полками с трактатами янсенистов: Аделаида только что закончила пускать кровь пажу, страдавшему «меланхолией».

— Ваше высочество, — маркиза поднялась из-за стола, но не сделала шага навстречу. — Я полагала, регент запретил вам покидать покои.

— Регент запретил мне быть собой, мадам, — тихо ответила Луиза, делая глубокий, безупречный реверанс. Колени заныли от непривычной покорности. — Он был прав. Мой язык опередил мой разум. И моё сердце.

Аделаида приподняла одну бровь. За этой бровью скрывался ум, способный свернуть шею любому министру финансов.

— У вас нет сердца, Луиза. Иначе вы бы поняли вчера: я держала Моцарта за руку, чтобы он не умер от чахотки до конца сонаты, а вы пытались залить меня вином, как уличную девку на Сен-Дени. Это не вопрос приличий. Это вопрос эмпатии. Вы просто пусты.

Это был удар точнее пощёчины Филиппа. Луиза сглотнула комок горечи. Избалованная принцесса внутри неё требовала швырнуть чернильницу в это постное лицо. Но дерзкая девчонка, выжившая в вонючем фиакре, понимала: Филипп сломает ей вторую руку, если аудиенция провалится.

— Потому я и пришла учиться, — прошептала Луиза, позволяя голосу дрогнуть. Она медленно, очень медленно вытащила раненую руку из складок платья. Порезы от витражного стекла были промыты, но края воспалились. — Эмпатии нельзя научить словами. Только болью.

Она положила окровавленную ладонь прямо на раскрытую страницу книги Аделаиды. Кровь начала впитываться в пергамент.

Тишина повисла густая, тяжёлая. Маркиза смотрела на красное пятно, расплзающееся поверх строк о божественном милосердии. Затем она вздохнула. В этом вздохе не было жалости — только усталость хирурга.

— Сядьте. Жерар!

Вошёл слуга с медной чашей и чистыми тряпицами. Аделаида сама взяла руку Луизы. Её пальцы оказались неожиданно сильными и горячими. Она промывала порезы бренди, действуя почти нежно, но каждый раз, когда Луиза шипела от жжения, хватка маркизы становилась жёстче.

— Вы любите его? — внезапно спросила Аделаида, накладывая повязку. Вопрос прозвучал так же обыденно, как просьба передать сахар.

Кого именно имел в виду вопрос — Бога или регента — оставалось неясным. Луиза решила ответить честно:

— Мне нравится звук его голоса, когда он злится. И запах его табака. Остальное... остальное мы пока обсуждаем.

Аделаида впервые едва заметно улыбнулась уголком губ.

— Обсуждайте быстрее. Коронация назначена через месяц. До этого дня вы должны стать тенью друг друга. Если кто-то при дворе решит, что между вами можно вбить клин, нам всем отрубят головы. Начнут, разумеется, с вашей — она самая красивая.

Филипп ждал её в оранжерее. Среди апельсиновых деревьев — экзотические плоды замерзали в неотапливаемой галерее, символизируя крах Миссисипского пузыря. Первые газеты уже вышли с траурными рамками: банк Ло прекратил выплаты золотом.

Он стоял спиной к ней, глядя на почерневшие листья. На нём был строгий чёрный камзол без единого украшения. Золотой век Франции официально закончился сегодня утром.

— Ну? — спросил он, не оборачиваясь.

— Она считает меня пустой, — Луиза подошла ближе.

— Но перевязала мне руку. Сказала, что моя голова красивее её собственной.

— Умная женщина, — хмыкнул Филипп. — Дурам головы рубят реже, их выгоднее использовать.

Он обернулся. Его лицо было серым от усталости. Последние сутки он провёл, пытаясь удержать экономику страны от падения в пропасть. Акции рухнули, толпа штурмовала Королевский банк, люди вешали финансистов на фонарях. Ему сейчас хотелось только одного — крепкого сна и тишины. Вместо этого перед ним стояла эта невозможная девчонка с глазами цвета штормового моря.

— Зачем ты порезала себя, ради неё? — вдруг спросил он тише. В вопросе не было заботы, лишь холодный анализ рисков. — Ты могла просто извиниться.

— Просто извиняются лакеи, — Луиза шагнула вплотную, сокращая дистанцию. — А королевы приносят жертву. Теперь она думает, что контролирует меня через чувство вины. Пусть думает.

Её ладони легли ему на грудь, прямо над сердцем. Сквозь сукно камзола она чувствовала, как оно бьётся — быстро и неровно. Мигрень пульсировала под его кожей, отдаваясь эхом в её собственных зубах.

— Она отдаст тебе списки агентов, — продолжила Луиза, расстёгивая пуговицы его камзола. Одну за одной, методично. — Взамен попроси у неё рецепт того бальзама, которым она лечит свою мигрень. Твои порошки тебя убивают, от них ты становишься похожим на покойника.

Филипп перехватил её запястья. Его хватка была железной.

— Не лезь в мои болезни.

— Я полезу везде, куда смогу дотянуться, — она посмотрела ему прямо в глаза. Зрачки расширены, радужка потемнела. — Мы партнёры, регент. Или вы думали, я буду просто лежать на спине и считать свечи, пока Франция горит?

Его контроль дал трещину. Не громко, не с рёвом — просто лопнул, как перетянутая струна.

Он толкнул её назад, впечатывая спиной в ствол апельсинового дерева. Холодная кора царапнула обнажённую кожу сквозь разорванный лиф — в пылу борьбы он сорвал завязки её утреннего платья.

Здесь, среди запаха умирающих фруктов и финансового краха, они снова сошлись в своей привычной войне. Без нежности. Без слов. Это была отчаянная потребность двух раненых зверей прижаться друг к другу, чтобы согреться. Он кусал её плечо, заглушая стоны боли от фантомных ударов пульса в висках. Она царапала его спину, оставляя глубокие борозды на коже, словно пыталась вырвать из него этот чёртов ледяной панцирь.

Когда судорога отпустила их тела, Филипп остался стоять, тяжело привалившись к дереву рядом с ней, прижимая её к себе за затылок. Его дыхание было горячим и влажным на её шее.

— Бумаги, — прохрипел он. — Списки агентов будут у нас к вечеру.

— Рецепт бальзама, — выдохнула она в ответ, перебирая пальцами слипшиеся от пота волосы на его затылке. — И доступ к её личной переписке. Я хочу знать, кому она пишет письма с запахом лаванды.

Они стояли посреди мёртвого сада. Два самых опасных человека во Франции, связанные кровью, похотью и общим врагом. Свадьба должна была состояться через три недели. Судя по тому, как дрожали руки регента, пытающиеся застегнуть камзол, Людовик XIV перевернулся бы в гробу дважды, узнав, кто унаследует его трон.

Глава 5. Кровь, чернила и лаванда

Маркиза де Тианж сдержала слово быстрее, чем высохли чернила на записке с рецептом бальзама от мигрени. К вечеру в кабинет Филиппа принесли не просто списки — ей передали ключи.

Буквальные. Три тяжёлых железных ключа от личного секретера Аделаиды. И ключ четвёртый — метафорический — к её душе. В обмен маркиза потребовала сущую безделицу: чтобы Луиза-Антуанетта дважды в неделю играла с ней в карты по маленькой ставке и выслушивала жалобы на здоровье пажей.

— Она купила тебя дёшево, — констатировал Филипп, когда Луиза доложила об условиях сделки. Он сидел за столом, а перед ним лежали украденные письма.

Луиза принесла кусок лавандового мыла в качестве трофея, разрезав его пополам бритвой.

— Я стою ровно столько, сколько готова заплатить моя семья, — пожала плечами Луиза. Она подошла сзади, положила руки ему на плечи и начала разминать каменные узлы мышц. От регента исходил жар, словно у него начиналась лихорадка. — Отец прислал золото сегодня утром. Сорок тысяч ливров. Казначей чуть не упал в обморок прямо на мешки.

— Слишком поздно, — глухо ответил Филипп. Его голос звучал отстранённо, как будто он говорил сам с собой. — Ло закрыл банк вчера в полдень. Бумаги превратились в пыль ещё до того, как твой отец запечатал сундук. У нас нет денег на гвардию. У нас нет денег на хлеб для Парижа. Завтра толпа повесит меня на воротах Пале-Рояля рядом с банкирами, и твоя девственность станет главной проблемой покойного короля.

Луиза замерла. Впервые за всё время их знакомства маска цинизма сползла с неё, обнажив чистый, животный страх.

— Нас убьют?

— Если мы будем сидеть здесь и жалеть себя — да, — он накрыл её ладонь своей. Ладонь была ледяной. — Поэтому мы не будем сидеть здесь. Одевайся. Мы едем ужинать.

Они выбрали таверну «У старого контрабандиста» в порту Сен-Никола. Местечко настолько грязное, что запах рыбы вёлся в дерево стен намертво. Здесь не было ни пудры, ни париков. Мужчины в мокрых плащах резались в кости, проститутки висли на шеях у матросов, а вино подавали в глиняных кружках со сколами.

Филипп надел потёртый сюртук из грубого сукна, надвинул на глаза треуголку так низко, что видны были только губы. Луизу он заставил переодеться в мужской костюм своего конюшего: старые сапоги, тесные лосины и камзол, который едва сходил на груди.

— Вы сошли с ума, — шипела она, пытаясь заправить свои буйные волосы под засаленный парик. — Если кто-то из ваших шпионов увидит меня в этом рубище...

— Мои шпионы знают мой вкус, — отрезал регент, затягивая ремень поверх её камзола. — Они решат, что я наконец нашёл себе мальчика по вкусу поглубже. Молчи и ешь руками.

За соседним столом трое гвардейцев в синих мундирах обсуждали штурм банка. Их лица были красными от дешёвого вина и праведного гнева.

— ...я своими глазами видел! — стучал кулаком по столу один, опрокидывая кружку. — Мой брат вложил туда наследство матери! Ему дали бумажку! А теперь говорят, это просто бумага!

— Регент спасает своих дружков-торговцев! — вторил второй. — Пока наши дети жрут кору с деревьев, этот чёртов Орлеанский танцует со своими шлюхами!

Луиза побелела. Её рука сама потянулась к ножу на столе. Филипп перехватил её запястье под столом. Хватка была железной.

— Не смей, — прошептал он одними губами. — Ты хочешь умереть ради удовлетворения этой пьяной свиньи? Сиди смирно.

Но ярость принцессы требовала выхода. Когда гвардейцы начали вставать, собираясь идти громить ближайший склад тканей, ошибочно приняв его за дом финансиста, Луиза сделала то, чего от неё никто не ожидал.

Она встала. Сделала два шага к их столу. И со всей силы, вкладывая вес тела, ударила говорившего носком тяжёлого сапога прямо в коленную чашечку. Раздался тошнотворный хруст хряща.

Мужчина рухнул на пол с воем, которому позавидовал бы забиваемый кабан.

Прежде чем двое остальных успели обнажить шпаги, Филипп оказался рядом. Он двигался стремительно, как атакующая гадюка. Никакой аристократической ленцы. Один получил рукоятку пистолета в висок, второму регент просто сломал нос ударом головы.

Всё заняло меньше пяти секунд.

Таверна затихла.

Филипп посмотрел на скорчившихся гвардейцев. Достал из кармана тяжёлый кошелёк, бросил его хозяину заведения.

— За беспокойство. И вызовите им лекаря. Но сначала плесните воды на тех двоих, они мне нужны в сознании. Мне нужно задать им пару вопросов о том, кто именно платит этим патриотам за такие пламенные речи.

Он повернулся к Луизе. В тусклом свете масляной лампы его лицо казалось высеченным из гранита. Он тяжело дышал. По скуле текла струйка крови из разбитой брови.

Луиза смотрела на него, приоткрыв рот. Она впервые видела его таким — не расчётливым политиком и не холодным любовником, а хищником, защищающим свою территорию. Это пугало сильнее, чем все его оскорбления вместе взятые. И это возбуждало так сильно, что колени подогнулись.

— Зачем ты это сделала? — спросил он, вытирая кровь тыльной стороной ладони.

— Он назвал вас чёртовым Орлеанским, — тихо ответила она. Голос сел. — Никто не имеет права называть вас так, кроме меня.

Это признание повисло в пропахшем рыбой воздухе. Оно было страшнее удара ножом.

Филипп смотрел на неё долгую секунду. Затем шагнул вперёд, схватил за затылок и впился в губы поцелуем. Жёстким, солёным от крови, лишённым всякой техники — просто акт клеймения. Заявление собственности посреди грязи и разрушающегося мира.

Когда они оторвались друг от друга, мир вокруг снова загудел — хозяин уже вязал раненых, где-то плакал ребёнок. Реальность вернулась.

— Добро пожаловать в настоящую власть, мадам, — хрипло сказал Филипп, поправляя её сбившийся набок парик. — Она всегда выглядит вот так. Как выбитые зубы и вонючая лужа на полу. Запомните этот запах. Коронация будет пахнуть точно так же.

По дороге обратно в Пале-Рояль, сидя в тряской наёмной карете, Луиза прижалась к его плечу. Камзол был влажным от чужого пота и дождя. Она вытащила из-за пазухи маленький кусочек лавандового мыла, который прятала там весь вечер, и протянула ему.

— Рецепт не нужен, — сказала она. — Боль снимает только адреналин. Или хороший удар по голове предателю. Запишите это в свои гроссбухи, ваше высочество.

Филипп взял мыло, понюхал его. На его губах появилась та самая редкая, едва заметная усмешка.

— Запишу. Сразу после графы «Расходы на свадьбу». Кстати о расходах... ваш отец прислал сорок тысяч. Этого хватит, чтобы купить лояльность полка швейцарской гвардии.

— Оставьте деньги себе, — она зевнула, окончательно избавляясь от остатков страха. Сонливость после драки всегда приходила резко. — Купите на них хлеба. Толпе плевать, кто сидит на троне, если у них полны желудки. А швейцарцам скажите, что если трон упадёт, придавит всех. Включая их банковские счета.

Регент посмотрел на свою невесту. Девчонку, которая час назад хотела зарезать солдата за обидное слово, а сейчас давала советы по макроэкономике, засыпая на его плече.

Впервые за долгие месяцы Филипп Орлеанский подумал, что, возможно, Франция переживёт эту зиму. Главное — успеть доехать до постели, пока она не захрапела ему прямо в ухо.

Глава 6. Кровь на кружевах

Свадьба Людовика XV — пятилетнего правнука Короля-Солнца — была назначена через две недели, и это означало, что их собственная коронация должна состояться ещё раньше. Филипп не мог позволить себе роскоши хоронить дядю во второй раз как частное лицо; он должен был стать королём до того, как толпа окончательно потеряет страх перед властью.

Париж гудел растревоженным ульем. Миссисипский пузырь лопнул окончательно, оставив после себя тысячи самоубийц и пустые глазницы окон в домах финансистов. Запах озлобленной бедности смешивался с запахом ладана из церквей, где священники предавали анафеме «дьявольские бумажки».

В Пале-Рояле пахло свежей краской. Рабочие спешно золотили карнизы в тронном зале, пытаясь скрыть трещины от сырости. Денег на штукатурку уже не было.

— Вы выглядите так, будто спали в сточной канаве, — Аделаида де Тианж вошла в кабинет без доклада. На ней было платье цвета грозовой тучи, расшитое чёрным бисером. Она выглядела безупречно, но под глазами залегли тени. — Хотя для человека, который вчера лично допрашивал мятежников в подвалах Шатле, это комплимент.

Филипп поднял голову от карты Парижа. Красными крестами были отмечены места скопления голодных толп.

— Они вооружаются палками от заборов, Аделаида. Палками. Скоро они начнут жечь монастыри просто ради тепла.

— Дайте им хлеба, — маркиза подошла к столу и бесцеремонно взяла его письмо. — Или хотя бы иллюзию хлеба. Объявите о бесплатной раздаче зерна у городской ратуши. Поставьте там швейцарскую гвардию с примкнутыми штыками, чтобы раздавили первых десять человек. Остальные будут бояться подойти слишком близко и выстроятся в очередь. Страх организует лучше голода.

Луиза-Антуанетта сидела в кресле у камина, завернувшись в огромную соболиную шубу — подарок регента по случаю примирения. От меха пахло лавандовым мылом Аделаиды: Луиза тайком перетащила кусок в свои покои. Она слушала их разговор, играя тяжёлой печатью на письме отца. Сорок тысяч ливров лежали в сундуке под кроватью. Теперь это были деньги мертвецов.

— Я не хочу покупать их лояльность зерном, — сказал Филипп, потирая переносицу. — Зерно кончится. Мне нужно чудо. Нужно золото.

— Чудес не бывает, ваше высочество, бывают только трупы тех, кто в них верил, — отрезала маркиза. Она наконец заметила взгляд Луизы. — Доброе утро, дитя. Надеюсь, вы хорошо спали? В прошлый раз ваша бессонница стоила нам разбитого витража.

— Спала прекрасно, — сладко улыбнулась Луиза, поднимаясь. Шуба соскользнула с её плеч, обнажая простое утреннее платье. — Пока мой будущий супруг не начал считать мёртвых детей вместо овец. Кстати, об овечках. Говорят, шерсть сейчас в цене. Может, обложим налогом каждую прялку в Нормандии?

Аделаида прищурилась. Девчонка училась быстро. Слишком быстро.

— Это идея казначея Лоу, — мягко сказала маркиза. — Его идеи привели нас к виселице.

— Значит, нам нужен новый казначей, — Луиза обошла стол и встала рядом с Филиппом. Их плечи соприкоснулись. Это движение было настолько естественным, что Аделаида едва заметно дёрнула уголком рта. — У меня есть сорок тысяч. Золотом. Настоящим. Не бумагой.

В кабинете повисла тишина. Было слышно, как за окном ругаются каменщики.

Филипп медленно повернул голову. Его глаза сузились.

— Что ты сделала?

— Ничего противозаконного, — она положила руку ему на грудь, прямо над сердцем. — Просто когда папа прислал сундук, я велела мажордому выгрузить половину мешков с песком, которые держат балластом в нашей карете для устойчивости. Сундук весит ровно столько же. Отец любит проверять пломбы, но никогда не взвешивает подарки дочери.

Филипп замер. Затем запрокинул голову и захохотал. Громко, раскатисто, впервые за этот месяц напоминая живого человека, а не призрака. Он смеялся так долго, что слёзы выступили на глазах.

— Моя вороватая маленькая ведьма, — выдохнул он, притягивая её к себе и целуя в макушку. — Ты спрятала золото короны в ногах своей кровати.

— Оно моё, пока я вам его не одолжила, — прошептала она в его камзол. — Купите хлеб. И наймите шпииков получше. Ваши гвардейцы тупы как пробки.

Вечером того же дня произошёл инцидент, изменивший правила игры навсегда.

Луиза принимала ванну. Горячая вода расслабляла мышцы, нывшие после уроков верховой езды (Филипп настоял, чтобы она научилась держаться в седле как мужчина). Служанка мыла ей волосы, напевая тихую песенку. Впервые за долгое время принцесса позволила себе закрыть глаза.

Холод коснулся шеи прежде, чем звук шагов достиг её слуха.

Массивная фигура заслонила свет свечи. Луиза открыла глаза.

Над бортиком ванны склонилась женщина. Графиня де Нель. Бледная, с лихорадочным румянцем на скулах, которое не могла скрыть даже пудра. В руке графини тускло блеснуло лезвие длинного стилета.

— Ваш голос слишком громкий, мадам, — прошипела Нель. Её рука дрожала, но острое клинка упёрлось точно в ямочку между ключицами Луизы. Вода вокруг кожи начала розоветь от крошечного пореза. — Регент отдал Бастилию барону де Морнею. А Бастилия принадлежала моему мужу. Вы украли мою собственность. За всё нужно платить.

Служанка вскрикнула, роняя медный кувшин. Звук оглушил.

Луиза не двинулась. Вода доходила ей до груди, делая верхнюю часть тела беззащитной. Сердце колотилось где-то в горле, но лицо оставалось спокойным. Только пальцы правой руки, скрытые под мыльной пеной, медленно поползли вдоль бортика ванны, ища гладкое дерево шайки.

— Барон проиграл Бастилию в кости, графиня, — ровным голосом ответила Луиза. — Возможно, вам стоит проверить игральные кости вашего мужа. Они могут быть свинцовыми.

— Молчи! — взвизгнула Нель. По её щеке скатилась слеза, смешиваясь с румянами. — Ты никто. Сирота без капли голубой крови, шлюха, которая раздвигает ноги перед убийцей собственного дяди! Мой муж сгниёт в тюрьме, потому что твой...

Она замолчала. Острие стилета впилось чуть глубже. Капля крови стекла по лезвию и упала в воду, распустившись алым цветком.

— Потому что мой регент умеет выбирать союзников, — закончила фразу Луиза. Она смотрела прямо в безумные глаза графини. — Опустите нож, Анна. Если вы убьёте меня здесь, голую, в ванной, история запомнит вас как ревнивую сумасшедшую. Но если вы выйдете отсюда... мы можем договориться. У Филиппа много тюрем. И очень мало людей, которым он действительно доверяет мыть спину.

Графиня моргнула. Затуманенный яростью разум пытался обработать абсурдность ситуации. Жертва торгуется.

— Вы... вы смеете мне угрожать?

— Я предлагаю сделку, — Луиза слегка приподняла подбородок, намеренно открывая горло для удара. Демонстрация абсолютного презрения к смерти. — Помогите нам завтра на

Совете. Поддержите указ о конфискации земель церкви. Взамен я поговорю с регентом о вашей Бастилии. А теперь уходите. Вода остывает, и мыло щиплет порез.

Нель смотрела на неё ещё секунду. Затем её плечи дрогнули. Стиллет выскользнул из ослабевших пальцев и беззвучно ушёл на дно ванны, подняв облачко пара.

— Вы чудовище, — прошептала графиня и осела на пол возле ванны, закрыв лицо руками. Её начало трясти в истерике.

Луиза тяжело вздохнула. Наклонилась, подобрала со дна смертоносную игрушку и бросила её служанке.

— Позови стражу. Скажи, что госпожа графиня поскользнулась на мокром полу и пыталась зарезаться моей губкой для пилинга. И принеси чистое полотенце. Эта дурочка испортила мне всю купальню.

Когда стража уволокла рыдающую Нель, а камеристки сменили воду, в спальню вошёл Филипп. Он стоял в дверях, опираясь о косяк. Весь день он провёл в парламенте, продавливая законы сквозь ненависть аристократии. Лицо было серым.

Он молча прошёл к ванне. Сел на низкий табурет прямо в лужу натёкшей воды. Взял руку Луизы — ту самую, что искала шайку — и осмотрел пальцы. Царапин не было.

— Зачем? — тихо спросил он. — Почему ты не закричала? Почему не дала страже убить её на месте?

— Крик — это признание страха, — Луиза откинула мокрые волосы назад. Вода плескалась о мрамор. — А страх даёт право другим тебя сожрать. Я показала ей, что выше её злобы. Теперь она будет служить нам фанатично, чтобы доказать самой себе, что она не сошла с ума в той ванной. Психология, ваше высочество. Рекомендую изучить.

Филипп смотрел на свою невесту. На девушку, которая час назад торговала краденым золотом, а сейчас держала в руках окровавленный стилет с таким видом, словно это веер.

Он наклонился вперёд, преодолев последние дюймы расстояния. Прижал губы к её рту — солёному от слёз и мыльной воды. Поцелуй был глубоким, почти жестоким, языком требующим ответа.

Это была не благодарность. Это было узнавание. Признание равного.

— Оденьте её в шёлк, — приказал он, отрываясь, когда оба начали задыхаться. — Самую дорогую ткань, какую найдёте. Пусть все видят, что попытка убийства невесты регента оплачивается гардеробом от лучших портных. И найдите мне этого чёртового Лоу. Кажется, моя будущая жена понимает в финансах больше, чем шотландский гений. Нам нужно поговорить о шерсти.

Луиза смотрела, как он уходит. Вода в ванне медленно остывала, становясь розовой от крови, которую никто так и не смог смыть до конца. Игра престолов перестала быть игрой.

Глава 7. Алтарь из костей

Свадьба Людовика XV и испанской инфанты Марии-Анны-Викторории должна была стать дымовой завесой. Пока весь Париж глазел на десятилетних детей, стоящих у алтаря в Сен-Жермен-л'Осеруа, Филипп планировал провести свою коронацию через три дня — тихо, быстро и по подложным документам о «неотложности государственных нужд».

Но Бог, казалось, устал от Франции.

Утро выдалось ледяным. Толпа, согнанная к Нотр-Даму ради детского бракосочетания, гудела не от умиления, а от голода.

Луиза стояла за ширмой в ризнице, пока камеристки затягивали шнуровку её платья. Это был шедевр портновского искусства: серебряная парча, расшитая бриллиантами, которые стоили как эскадра линейных кораблей. Тяжёлый шелест ткани отдавался болью в усталых мышцах спины.

— Вы бледны, мадам, — прошептала фрейлина, подавая ей зеркало. — Я просто ненавижу белый цвет, — отрезала Луиза. Она смотрелась в стекло, но видела там не невесту, а заложницу. — Затягивайте сильнее. Если я упаду в обморок от нехватки воздуха, скажите регенту, что это была часть брачного ритуала.

Дверь ризницы распахнулась без стука. На пороге стоял капитан швейцарской гвардии. Его кирасу покрывала копоть, лицо было серым от пыли. — Ваше высочество. Мост Менял горит. Коллеж Четырнадцати Наций осаждён толпой. Они требуют голову канцлера д'Агессо.

Филипп вошёл следом за капитаном. Он был одет в простой тёмно-синий камзол без орденов. Никакой пудры. Лицо регента напоминало маску из воска, только глаза лихорадочно блестели. Всю ночь он провёл в патрулях с войсками, пытаясь удержать город от взрыва.

— Свадьба отменяется? — ровным голосом спросила Луиза, хотя внутри всё оборвалось. Если дети не произнесут клятвы, юридическая уловка Филиппа рухнет, и они останутся принцем и принцессой перед лицом мятежа.

— Нет, — Филипп подошёл к ней вплотную, игнорируя гвардейца. — Дети поженятся. Архиепископ проведёт церемонию за десять минут. А мы... мы изменим маршрут.

Он взял её руки в свои. Перчатки были сняты. Его ладони оказались горячими и шершавыми.

— Мы поедem сразу в Реймс, — сказал он тихо, так чтобы слышала только она. — Прямо отсюда. Сборы уже идут. Гвардия выезжает через час. В соборе будет только епископ и крысы. Никаких балов. Никаких приёмов. Ты наденешь корону на грязный алтарь под шум пожаров за стенами города. Тебе подходит такой свадебный подарок?

Это не было вопросом. Это было предложение разделить его ад. Вместо золочёной клетки Версаля — дымящиеся руины королевства.

Луиза посмотрела на своё отражение в алмазной пуговице его камзола. Серебряное платье вдруг показалось нелепым саваном.

— Мне подходит любая коробка, лишь бы меня туда положили вместе с вами, — ответила она и впервые за все месяцы их войны сама потянулась к нему для поцелуя. Короткого, жёсткого, скрепляющего договор кровью и пеплом.

Они выехали из Парижа через задние ворота Лувра, когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо над городом в цвет запекшейся крови. Пламя на мосту Менял освещало дорогу лучше любых факелов.

Карета была закрытой, тяжёлой, рассчитанной на штурм. Луиза сидела напротив Филиппа. Белое свадебное платье было спрятано под грубым шерстяным плащом с капюшо-

ном. Бриллианты остались в ларце — вместо них на шее висел простой железный крест, который сунул ей в руку секретарь перед посадкой.

— Куда делся ваш яд? — спросил Филипп, нарушая тишину. Карету швыряло на ухабах разбитой дороги. За окнами проносились чёрные силуэты деревьев.

— Растворился в ванне графини де Нель, — она откинула капюшон. Волосы, уложенные придворными мастерами в сложную конструкцию, растрепались и падали на лицо. — Оказывается, серебро чернеет от страха быстрее, чем от серы.

Он усмехнулся. Сухо, одними губами.

— Боишься?

— Жду, когда карета перевернётся, — честно призналась она. — Тогда можно будет перестать делать вид, что я знаю, как управлять государством. У вас есть план, кроме как посадить меня на трон до того, как нас обоих зарежут?

Филипп долго молчал, глядя в темноту за окном. Затем достал из-за пазухи туго свёрнутый пергамент.

— План всегда один, — глухо сказал он. — Купить тех, кого нельзя запугать. И убить тех, кого нельзя купить. Но казна пуста. Сорок тысяч твоего золота хватит, чтобы накормить гвардию на неделю пути. Нам нужно чудо.

— Чудес не бывает, бывают трупы, — процитировала она слова Аделаиды. — Или шерсть. Вы говорили со стариком Лоу?

Разговор прервал резкий удар. Карета остановилась. Послышались крики команды, лязг взводимых курков.

Филипп мгновенно оказался у двери, держа руку на эфесе шпаги. Приоткрыл смотровую щель.

На дороге стояли люди. Дюжина всадников с мушкетами. Но одеты они были не в ливреи разбойников, а в добротные дорожные костюмы буржуа. Впереди выехал человек с лицом цвета старого пергамента.

— Дорога закрыта, господа, — крикнул он. Голос звучал визгливо, но уверенно. — По приказу Парламента Парижа проезд кортежей запрещён во избежание паники. Разворачивайтесь обратно в столицу.

Филипп прищурился. Это не парламентарии. Это наёмники банкиров, потерявших состояние. Попытка похищения или убийства под видом законного досмотра.

— Открывайте огонь по лошадям, — холодно бросил регент капитану швейцарцев, открывая дверцу. — Меня зовут Орлеанский. Кто посмеет встать на пути короля, ответит перед Богом прямо сейчас.

Он шагнул наружу. Капли мелкого дождя смешивались с сажей, оседавшей на его волосы. В этот момент дверь кареты с другой стороны открылась сама.

Луиза выпрыгнула в грязь, подобрав юбки плаща. Подошла к предводителю банды. Остановилась в двух шагах.

— Как ваше имя, месье? — спросила она ласково.

— Мартен, мадам. Комиссар...

— Комиссар, который умеет читать указы парламента? — она улыбнулась, медленно доставая из-под плаща маленький карманный пистолет. Дуло смотрело точно между глаз мужчины. — Указ о запрете проезда кортежей вступает в силу завтра на рассвете. Сегодня ночью дорога принадлежит королю. А король сегодня — это мой жених. Опустите оружие, если не хотите, чтобы ваши вдовы узнали, насколько дешёвым может быть свинец в Париже этой осенью.

Мартен побледнел. Его рука дрогнула. Швейцарские гвардейцы взяли отряд в полукольцо, щелчки затворов прозвучали как сухие кости.

— Стрелять в ноги, — приказала Луиза, не отводя пистолета. — Живьём. Регент хочет поговорить с финансистами лично. Кажется, у нас намечается новая сделка по шерсти.

Филипп обернулся. Посмотрел на невесту, стоящую по колено в осенней грязи с оружием в руках и белым кружевом свадебного платья, выглядывающим из-под мокрого плаща.

Впервые за полгода холодный ужас в его животе сменился горячей, пьянящей уверенностью.

Она действительно была чудовищем. И теперь это было его чудовище.

— Вяжите их, — кивнул он гвардейцам. — И гоните лошадей. До Реймса ещё двести миль. Наша свадьба состоится вовремя. Даже если небеса рухнут на землю.

Глава 8. Пыль на алтаре

Реймс встретил их не звоном колоколов, а ощущением беды и страха.

Город, веками живший за счёт помазания королей, умирал от тишины. Коронация Людовика XV в Париже высосала из провинции последние соки: торговцы закрыли лавки, опасаясь мародёров, а соборный капитул запер ворота, требуя золота вперёд за открытие Святых врат.

— Они требуют тысячу ливров только за то, чтобы разжечь жаровни, — доложил секретарь Филиппу, пока кортеж пробирался по узким улочкам старого города. — Говорят, дрова подорожали.

— Заплатите им жизнью казначея, если он ещё раз заговорит о дровах, — бросил регент, глядя в окно. — Скажите каноникам, что я привёз им новую реликвию. Голову Ирода. Пусть греются её дыханием.

Луиза сидела напротив, кутаясь в мех. Последние два дня в седле стёрли в кровь её бёдра и лишили всякого подобия придворного лоска. Лицо было серым от дорожной пыли, волосы выбились из-под сетки, но глаза горели ярче углей в походном костре. Она смотрела на шпиль собора, пронзающий низкое небо.

— Он накренился, — заметила она.

— Епископ говорит, это знак Божьего гнева на французскую монархию, — фыркнул Филипп.

— Это знак того, что каменщики воровали свинец для перепродажи, — отрезала Луиза. — Нам нужен новый епископ. И новые каменщики. Прикажите арестовать настоятеля утром. Обвинение — халатность. Взять под стражу прямо во время причастия.

Филипп посмотрел на неё долгим взглядом. В полумраке кареты грязь на её лице выглядела как боевая раскраска дикого племени.

— Вы невыносимы.

— Я просто хочу пережить эту неделю, — она пожала плечами. — Арестованный настоятель будет сговорчивее, когда попросит вернуть ему ложку для миропомазания.

Коронация началась в три часа ночи.

Собор был пуст. Вместо сияющей толпы дворян — лишь десяток швейцарцев с мушкетами вдоль стен, тени священников в сырых облачениях и гул ветра под сводами. Холод стоял такой, что дыхание превращалось в пар. Золото алтаря казалось тусклым свинцом.

Верховный капеллан Франции, поднял флакон со священным миром.

Филипп стоял на коленях перед алтарём. Его плечи дрожали не от холода, а от чудовищного нервного истощения. За последние семьдесят два часа он спал не более трёх часов, держа Францию над пропастью голыми руками.

Луиза стояла рядом. На ней уже не было белого платья — оно безнадежно испачкалось в крови и грязи после стычки на дороге. Капитан гвардейцев нашёл в закромах ризницы старую мантию бургундских герцогов — тяжёлую, тёмно-красную, вышитую потускневшим золотом.

Когда капеллан начал читать молитву об исцелении короля (традиционная часть ритуала), Филипп пошатнулся. Мигрень, которую он сдерживал сутками ударной дозой опиума, обрушилась на него всей тяжестью кузнечного молота. Свет факелов резанул по глазам. Мир сузился до точки боли в левом виске.

Он упал бы лицом прямо на каменные плиты, если бы не рука, метнувшаяся к его локтю быстрее мысли.

Луиза сжала его предплечье сквозь бархат мантии. Ногти впились в кожу так сильно, что оставили четыре багровых полумесяца. Она не произнесла ни слова. Просто давила, вкладывая

в пальцы всю свою ненависть, дерзость и внезапно проснувшийся животный страх потерять этот призрачный трон.

«Не смей здесь умирать, ты, кусок льда», — говорил этот захват. «Если ты сейчас рухнешь, они бросят меня обратно в ту грязную лужу, из которой вытащили. Держись».

Филипп открыл глаза. Сквозь радужные круги боли он увидел её лицо совсем близко. Веснушки на бледной коже, искусанные губы, сведённые от напряжения скулы. Не избалованная принцесса. Не ядовитая куртизанка. Крепкий узел воли, обтянутый кожей.

Он кивнул ей. Почти незаметно. И встал сам.

Помазание прошло в абсолютной тишине. Когда холодное масло коснулось его лба, Филиппа затрясло. Но это была уже не слабость. Это была трансформация. Масло смешивалось с потом, пылью и запекшейся кровью на его воротнике.

— Vivat Rex! — хрипло выдохнул капеллан, протягивая корону.

Золотые обручи Святого Людовика оказались неожиданно лёгкими. Филипп взял корону из рук священника своими руками — нарушение протокола, обычно это делает старший пэр. Он повернулся не к пустым скамьям для знати, а к Луизе.

Она стояла прямая, как древко знамени. Красная мантия делала её похожей на вестницу смерти или языческую жрицу.

Их взгляды встретились. Никакой романтики. Только холодный расчёт двух людей, заключивших сделку с дьяволом и друг с другом.

Филипп медленно, подчёркивая каждое движение, опустил корону на голову своей невесты.

Тяжёлый золотой венец лёг поверх спутанных волос. Камни холодно блеснули в свете одинокого факела. Луиза-Антуанетта де Лаваль-Бофор стала королевой Франции без единого звука фанфар, посреди разрушающегося королевства, стоя по колено в пыли веков.

Она не поклонилась. Лишь прикрыла глаза на секунду, принимая вес металла. Затем открыла их и посмотрела на своего мужа — теперь уже короля.

В этом взгляде не было любви. Там было торжество победителя, занявшего высоту.

— Кажется, ваше величество, нам придётся строить много новых крыш, — тихо сказала первая королева эпохи Регентства. — Старые протекают.

За стенами собора завывал ноябрьский ветер. Где-то в Париже толпа вешала очередного банкира на фонаре. Франция летела в бездну, но наверху, в ледяной пустоте Реймского собора, двое самых опасных людей страны наконец надели свои маски официально. Игра престолов закончилась. Началась работа мясников.



Глава 9. Ржавчина на золоте

Королевская опочивальня в архиепископском дворце Реймса оказалась промёрзшим склепом. Сквозь щели в витражах свистел ледяной ноябрьский ветер, шевеля тяжёлые балдахины кровати, рассчитанной на гигантов прошлого века.

Филипп стоял на коленях перед камином, опираясь локтями о решётку. Жар огня лизал его лицо, но холод шёл изнутри. Опиум, который он принял час назад, чтобы выстоять мессу, перестал действовать. Мигрень вернулась — чёрная, пульсирующая тварь, грызущая левый висок острыми зубами.

Его начало мутить внезапно. Желчь подступила к горлу так резко, что перехватило дыхание. Он попытался встать, добраться до ночной вазы, но ноги подкосились. Тяжёлая мантия Святого Людовика сбилась комом, мешая дышать. Золото короны показалось раскалённым обручем, расплавленным свинцом, выжигающим мозг.

Он рухнул на персидский ковёр, содрогаясь в сухом рвотном позыве. В пустом желудке спазмы выворачивали внутренности наружу. Филипп закашлялся, давясь желчью, чувствуя, как по подбородку течёт липкая слюна. Вся мощь абсолютной монархии Франции сжалась сейчас в один дрожащий, потный, задыхающийся комок боли на полу.

Луиза стояла у окна. Она смотрела на шпиль собора, пытаясь осознать вес золотой короны, всё ещё сжимающей её голову. Холод металла пробирал сквозь волосы до костей. Услышав хрип, она обернулась.

В первую секунду её губы дрогнули в презрительной усмешке. «Самый могущественный человек Европы. Валяется в собственной рвоте». Это была старая Луиза — дерзкая девчонка, привыкшая бить лежачего.

Но усмешка умерла, не родившись.

Она увидела его затылок. Седые пряди — ему было всего сорок два, но власть состарила его на двадцать лет за один месяц — прилипли к шее влажными кольцами. Плечи, обычно прямые как шомпол, ходили ходуном. Красная королевская мантия задралась, обнажив икры в простых дорожных чулках. На одном колене темнело кровавое пятно — стёр кожу о камень алтаря во время бесконечного стояния.

Избалованная принцесса исчезла. Осталась только женщина, которая четыре дня спала в седле и видела смерть вблизи.

Луиза сбросила свою тяжёлую мантию прямо на пол. Подбежала к нему, упала на колени рядом.

— Филипп...

Он попытался оттолкнуть её руку, когда она коснулась его лба. Его кожа горела.

— Уйди... воняет... — прохрипел он, отворачивая лицо к ковру.

— От вас несёт властью и болью, ваше величество, — спокойно ответила она. Голос был ровным, почти приказным. — Перестаньте изображать статую. Вы живой человек.

Она действовала быстро, без тени брезгливости. Сорвала с него тяжёлый парик, швырнув его в кресло. Расстегнула жёсткий воротник камзола, душивший его. Намочила край простыни в серебряном тазу для умывания и принялась смывать липкую желчь с его губ и бороды. Движения были уверенными, почти материнскими, но в них не было ни капли нежности — только жёсткая необходимость.

Когда новый спазм скрутил его тело, она просто придержала его за плечи, чтобы он не разбил голову о ножку туалетного столика. Её собственное свадебное платье — то самое, которое достали из сундука в последнюю минуту, грязно-белое, забрызганное дорожной кровью — мгновенно впитало влагу с пола и мерзкий запах.

— Ненавижу тебя, — выдохнул Филипп, когда приступ немного отпустил, позволяя глотнуть воздуха. Из глаз текли слёзы боли, смешиваясь с потом. — Как же я тебя ненавижу за то, что ты это видишь.

Это признание стоило ему дороже любой исповеди. Король не имеет права быть слабым. Особенно этот король, построивший свой мир на льду цинизма.

Луиза остановилась. Посмотрела на его искажённое мукой лицо. Затем медленно наклонилась и поцеловала его в висок, прямо туда, где под кожей судорожно билась жилка. Поцелуй был сухим и коротким. Без страсти. Словно ставя печать.

— Я тоже вас ненавижу, — прошептала она ему на ухо. — За то, что кроме вас мне теперь некому вытирать рот. Идите к чёрту со своей Францией, дайте мне хотя бы ведро.

Она помогла ему перебраться к краю кровати, сунула в руки пустой ночной горшок из расписного фарфора. Сама села на пол рядом, прислонившись спиной к матрасу. Так они провели следующие полчаса. Его тошнило остатками желчи, она сидела рядом, промокая его лоб влажной тканью и глядя невидящими глазами в темноту за окном.

Когда судороги наконец прекратились, оставив после себя лишь звенящую пустоту и слабость, Филипп смог поднять голову. Он посмотрел на неё сверху вниз.

Луиза выглядела ужасно. Волосы стояли дыбом, щека испачкана в чём-то тёмном — возможно, в его крови или в копоту, глаза покраснели от усталости. На белизне её платья темнели бурые пятна. Королева Франции сидела на ледяном полу возле кровати своего мужа, напоминавшая беженку из сгоревшего приюта.

Протянув дрожащую руку, он коснулся её подбородка. Грубовато, костяшками пальцев, заставляя посмотреть на него.

— Ты даже не сняла эту чёртову корону, — сипло сказал он. — Она тебе жмёт.

Луиза моргнула. Подняла свободную руку и коснулась холодного золота. Только сейчас она поняла, что забыла про него. Металл казался частью черепа.

— Мне ничего не жмёт, — тихо ответила она. — Кроме вашего камзола. Раздевайтесь, пока я не разрежала его ножом. Вы почти спите.

Она поднялась, тяжело опираясь о кровать. Подошла к двери, рывком открыла её и крикнула в коридор перепуганному камердинеру:

— Кофе. Самый крепкий. Две чашки. Сюда. Живо. И горячей воды. Много. Мой муж отравился собственным величием.

Оставшись одна, она вернулась к Филиппу. Помогла ему снять тяжёлый, пропитанный потом камзол и рубашку. Он сидел на краю постели, опустив голову, похожий на сломанную марионетку. Абсолютно беспомощный.

Луиза обошла его сзади. Положила ладони на его обнажённые плечи. Они были горячими и твёрдыми, как камень. Начала разминать узлы мышц — жёстко, профессионально, продавливая пальцами сведённые тяжестью короны зажимы.

Филипп вздрогнул, но не отстранился. Закрыв глаза.

— Я думал, ты меня убьёшь сегодня ночью, — вдруг признался он голосу тишине. — Когда надел на тебя корону. Думал, воткнушь стилеты в спину прямо на ступенях алтаря.

— Стилеты остались в ванной графини де Нель, — отозвалась Луиза, продолжая разминать его шею. — А там слишком скользко. Можно упасть.

Её пальцы добрались до основания черепа. Нажали на ту самую точку, которую он массирует ей тогда, в библиотеке над книгами памфлетов. Симметрия зла замкнулась. Целитель стал пациентом.

— Мы продадим Версаль, — сказала она тише, наклоняясь ниже, почти касаясь губами его мокрых волос. — Прямо завтра. Напишем указ. Пусть эти жирные прелести едят камни своих замков. Нам нужен хлеб для Парижа, а не золото для зеркал.

Он поймал её руку. Прижал ладонь к своему лицу. Щетина больно царапнула тонкую кожу. Он не целовал её в привычном смысле. Он просто дышал ею — запахом дороги, пыли и того самого лавандового мыла, которое перекочевало из её покоев в его дорожный несессер.

— Продавай, — глухо согласился он. — Делай что хочешь. Тольконими эту проклятую железку с головы. Она звенит, и у меня снова начинает болеть голова.

Луиза фыркнула, но послушно потянулась к замкам короны. Золото соскользнуло с её волос с тихим шелестом и тяжело легло на бархат подушки между ними.

Они легли спать уже под утро, не раздеваясь до конца. Просто двое людей в грязных тряпках, свернувшихся клубком посреди огромной холодной кровати, пытаясь согреться друг об друга.

Любовь пришла не фейерверком. Она просочилась сквозь трещины в стенах Реймского дворца вместе с абсолютным, животным доверием. Больше им не нужно было никого трахать, чтобы доказать свою власть. Им вообще больше ничего не нужно было доказывать.

Глава 10. Въезд триумфаторов

Париж встретил их не звоном колоколов, а мокрой золой и народным отчаянием.

Карета еле ползла по разбитой дороге через заставу Сен-Дени. За окном тянулись бесконечные ряды беженцев с узлами — крестьяне из окрестных деревень, чьи амбары выгорели дотла во время «голодных бунтов». Они молча смотрели на королевский кортеж пустыми глазами. Золото мантий Филиппа и Луизы казалось здесь неуместным кощунством.

Филипп сидел неподвижно, прислонившись виском к холодному стеклу. Реймская лиходрадка отступила, оставив после себя глухую, вибрирующую боль в костях и свинцовую усталость. Он чувствовал себя сосудом, из которого выпили всё содержимое до капли. Коронация забрала последние остатки его юношеской лёгкости; теперь он был сделан из старого, потрескавшегося мрамора.

Луиза сидела напротив. Грязное свадебное платье было спрятано в сундук ещё вчера. На ней был костюм для верховой езды из тончайшей чёрной кожи, который она нашла в вещах регента. Сапоги со шпорами были небрежно брошены на бархатный пол кареты. Она правила сама — большую часть пути от Реймса она проскакала верхом рядом с гвардией, отказавшись сидеть в душной коробке.

— Выглядите как висельник, ваше величество, — нарушила молчание Луиза, разглядывая его бледное лицо. В её голосе не было яда, только констатация факта.

— Чувствую себя так же, — хрипло ответил он. Пальцы машинально сжали серебряную фляжку с крепким бульоном. — Если толпа прорвётся за ворота сегодня ночью, нас разорвут голыми руками. Мы слишком дорого им обходимся.

— Поэтому мы въедем через главные ворота как завоеватели, — Луиза подалась вперёд.

— Пусть видят, что корона цела. Страх держит верёвки туже, чем любовь.

Она была права. И это пугало его больше всего. Та девочка, которая торговала краденым золотом и прятала стилеты в чулках, исчезла. Осталось нечто более опасное — женщина, чей мозг работал быстрее порохового запала.

Въезд в Париж стал спектаклем абсурда.

Толпа на улицах расступалась перед ними, но тишина стояла такая, что был слышен хруст гравия под копытами лошадей. Люди не кричали «Да здравствует король!», они просто смотрели. Тысячи пар глаз, следящих за тем, как проплывает золочёная карета сквозь руины их надежд.

У Нового моста Филипп приказал остановить кортеж. Толпа замерла в ожидании приказа о казнях или хлеба.

Король вышел из кареты сам. Без охраны, опираясь лишь на трость. Его пошатывало. Он подошёл к самому краю парапета, глядя на чёрные воды Сены, несущие пепел сгоревших предместий. Снял шляпу. Поклонился городу — медленно, тяжело, почти касаясь лбом колен.

Это сломало лёд. Кто-то в толпе всхлипнул. Старик снял шапку. Тишина сменилась тяжёлым, влажным гулом тысяч глоток. Это была не любовь. Это было признание силы.

Когда они наконец оказались внутри ворот Пале-Рояля, суэта двора обрушилась на них водопадом фальшивого шума. Лакеи, гвардейцы, интенданты — все пытались поймать взгляд короля.

Филипп позволил камердинерам снять с себя мантию. Ткань упала на пол с мёртвым шелестом. Он остался в одной тонкой батистовой рубашке, влажной от пота под камзолом.

— Оставьте меня, — бросил он свите. Голос сел. — Всем выйти.

Комната опустела мгновенно. Только Луиза осталась стоять у двери, стягивая кожаные перчатки.

— Вам нужно лечь, — сказала она тихо.

— Мне нужно выпить литр горячего вина и проспать неделю, — он попытался сделать шаг к столу, но ноги подкосились. Колено подогнулось.

Он упал бы лицом вниз, если бы Луиза не пересекла комнату в два прыжка. Она возникла перед ним внезапно, перехватив его торс под мышками. Кожаная куртка была жёсткой и холодной, его рубашка — горячей и влажной. Контраст обжёг ладони.

— Я тяжелее, чем кажусь, — прохрипел он, повисая на ней всем весом. Рост позволял ему смотреть на неё сверху вниз, но сейчас их глаза были на одном уровне. В его взгляде плескалась паника больного человека, теряющего контроль над телом.

— Вы весите ровно столько, сколько должна весить Франция, — отрезала она. Её руки напряглись, удерживая его. Мышцы предплечий вздулись канатами. — Шагайте. Постель там.

Она буквально проволокла его через спальню к кровати. Не церемонясь, рванула завязки его рубашки, обнажая ключицы, покрытые испариной. Уложила на простыни. Простыни были ледяными.

Филипп закрыл глаза, дрожа от холода и слабости. Мир кружился.

— Ложись сюда, — вдруг приказал он, хлопнув ладонью по матрасу рядом с собой. — Быстро. Иначе я умру от переохлаждения раньше, чем меня убьёт толпа.

Луиза секунду смотрела на него. Затем отстегнула пряжку портупеи. Кожанный пояс с тяжёлым эфесом шпаги грохнулся на паркетный пол. Она сбросила сапоги одним движением ног. Куртка полетела следом.

Она легла рядом, не снимая льняной нижней сорочки. Протянула руку поверх одеяла и дёрнула шнур сонетки, вызывая служанку.

— Принеси нагретый кирпич и бургундское. Горячее. Прямо сюда. И вон те шкуры со стены тоженими.

Служанка пискнула что-то невнятное, увидев короля едва прикрытым, и скрылась.

Они лежали в тишине. Дыхание Филиппа постепенно выравнивалось. Жар её тела под тонким льном ощущался сквозь шерстяное одеяло как печь.

— Почему ты не ушла? — спросил он, не открывая глаз. — К Аделаиде. К отцу. Куда угодно. Здесь скоро будет кровь.

— Потому что вы мой единственный выгодный вклад, — ответила она, поворачиваясь набок. Подперла голову рукой, разглядывая его лицо. Коснулась кончиками пальцев его бровей, разглаживая складку боли между ними. — Сорок тысяч ливров моего золота лежат в подвалах гвардии. Я хочу видеть проценты.

Её пальцы спустились ниже, скользнули по его виску, отводя прилипшую прядь волос. Движение было бесконечно нежным, лишённым всякого эротического подтекста — жест матери, успокаивающей ребёнка. Но когда её большой палец коснулся уголка его губ, слегка оттягивая пересохшую кожу, дыхание Филиппа снова сбилось.

— Проценты... — выдохнул он. Поймал её руку своей — ледяной, дрожащей. Прижал ладонь к своему лицу целиком, потеревшись щетиной о тонкую кожу. Закрыл глаза, впитывая тепло. — Моя маленькая воровка...

Слово прозвучало не как оскорбление. Как титул.

Он притянул её руку к своим губам. Поцеловал основание большого пальца. Затем перевернулся, нависая над ней, опираясь на здоровое плечо. Вторая рука легла ей на шею, большой палец поглаживал ямочку под горлом — место, которое он помнил ещё по сцене в салоне маркизы.

— Раздевайся, — прошептал он. Голос был низким, утробным, напрочь лишённым той механической холодности, с которой он брал её в карете или библиотеке. Сейчас в нём звучала потребность прижаться к живому огню. — Полностью. Мне нужен весь жар.

Луиза не стала спорить. Расстегнула пуговицы на груди, позволяя льняной сорочке распахнуться. Скинула её, оставшись обнажённой под тяжёлой тканью одеял. Воздух в спальне был промозглым, кожа тут же пошла мурашками, соски сморщились от холода.

Филипп лёг на неё сверху, укрывая своим телом от сквозняков комнаты. Он был тяжёлым, горячим. Его губы нашли её рот — сначала осторожно, пробуя, словно проверяя, не рассыплется ли этот хрупкий мир от одного неловкого движения.

Затем поцелуй изменился. Появился голод — жажда подтверждения того, что они оба выжили.

Его руки исследовали её тело заново. Медленно. Там, где раньше были грубые захваты и синяки, теперь была чуткая пальпация врача. Он запоминал карту её лопаток, изгиб талии, то, как она выгибается навстречу, когда он касается языком впадинки у основания шеи.

Луиза отвечала ему с такой же жадностью. Её ноги переплелись с его ногами, чтобы удерживать его ближе. Впервые секс перестал быть актом доминирования или мести.

Он вошёл в неё плавно, без спешки, глубоко, заполняя собой пространство, которое занимал страх. Каждое движение было направлено на генерацию тепла. Бёдра ударились о бёдра ритмично, как поршни машины, разгоняющей кровь по замёрзшим венам.

Луиза вскрикнула ему в плечо, когда волна накрыла её — долгая, тягучая, вымывающая из мышц недельную усталость дороги. Она почувствовала, как он содрогается следом, заливая её теплом, становясь на несколько секунд абсолютно беспомощным, доверяя ей свой вес полностью.

Они остались лежать сплетёнными телами. Сердце Филиппа билось прямо напротив её собственного, громким, частым барабаном. Он укрыл их обоих с головой тяжёлыми меховыми шкурами, создавая маленький, спёртый, невыносимо горячий кокон посреди зимней Франции.

— Кирпич остынет, — слабо напомнила она через пару минут, водя пальцем по его влажной груди.

— К чёрту кирпич, — он зарылся носом в её волосы, вдыхая запах пыли и лаванды. — Остайся так. Просто дыши.

За стенами дворца выл холодный парижский ветер. Где-то далеко, на другом берегу Сены, догорали склады. Но здесь, под грудой грязного меха, среди пятен дорожной крови и запаха болезни, впервые за полгода правления Луи-Филипп Орлеанский спал спокойно. Держа в руках единственное золото, которое у него ещё не украли.

Глава 11. Кровь на булыжниках

Сон в объятиях друг друга продлился недолго — ровно до тех пор, пока первый луч бледного ноябрьского солнца не ударил в свинцовые переплёты окон Пале-Рояля.

Когда Филипп проснулся. Луиза уже была на ногах. Она сидела у камина в его же рубашке. Ткань висела мешком на её хрупких плечах, рукава пришлось закатать трижды. Перед ней на низком столике лежала карта Парижа, придавленная по краям серебряными кубками. Рядом были списки конфискованного имущества.

— Просыпайтесь, спящая красавица, — бросила она, не оборачиваясь. В голосе снова зазвенел тот самый утренний металл. — Бургунды требуют субсидий за то, что их вино никто не покупает. Я сказала казначею, что если они ещё раз придут к вам с пустыми руками, вы обложите налогом их виноградники так, что они будут давить сок босыми ногами вместе с камнями.

Филипп сел в кровати, натягивая шёлковую простыню до пояса. Мигрень отступила, оставив после себя лишь звенящую пустоту и зверский голод. Он смотрел на свою невесту — теперь жену и королеву — и чувствовал холодок вдоль позвоночника. Девчонка из кареты окончательно умерла. На её месте сидел гениальный бухгалтер со склонностью к массовым убийствам.

— Что сделано за утро? — хрипло спросил он, принимая из её рук чашку с вином.

— Аделаида заперлась в своём кабинете и плачет, — усмехнулась Луиза, передвигая фигурку коня на карте ближе к Сент-Антуанскому предместью. — Кажется, титул «старшей сестры» разбил ей сердце. Я приказала гвардейцам охранять Бастилию тройным кольцом. Если толпа прорвётся туда вешать банкиров, пусть сначала пройдут через картель.

К полудню запах дыма стал невыносимым. Голодный Париж требовал зрелищ. Филипп стоял у окна своего кабинета, глядя на внутренний двор. Там, внизу, сустились плотники, возводя помост. Но это была не обычная виселица.

Луиза подошла сзади, положив подбородок ему на плечо.

— Они ждут хлеба, — тихо сказала она. — Хлеба мы им сегодня не дадим. Слишком дорого печь. Мы дадим им театр.

Ворота распахнулись. Толпа, собравшаяся на площади, подалась вперёд, а затем замерла.

В центр двора выехала телега. На ней стояли не приговорённые к смерти. Там были инструменты: огромные деревянные прессы для винограда, железные ломы, цепи и бочки с дёгтем. И люди — около двадцати человек. Не аристократы. Мастерские, подмастерья, мелкие лавочники. Те самые подстрекатели с моста Менял.

Палача не было. Вместо него вышел капитан швейцарской гвардии с тяжёлым кнутом-семихвосткой в руках. Его кожаная куртка блестела от воска.

— По указу короля! — голос герольда прогремел над площадью, отражаясь от стен. — За подстрекательство к бунту и уничтожение государственной собственности. Наказание — публичное покаяние!

Первого вытолкнули вперёд. Это был кузнец с огромными ручищами. Его раздели до пояса, привязали лицом к деревянному колесу повозки.

Свистнул кнут.

Удар пришёлся поперёк спины. Звук был похож на выстрел мушкета. Кожа лопнула мгновенно, выпуская алые пузыри. Кузнец закричал — низко, утробно, как забиваемый бык.

Толпа ахнула единым выдохом. Кто-то в задних рядах перекрестился.

Второй удар. Третий. Десятый.

Это была не быстрая смерть. Это была методичная, ритмичная работа мясника. Капитан отсчитывал удары вслух. Спина мужчины превратилась в кровавое месиво из мяса и осколков костей. Когда счёт дошёл до тридцати, он обвис на верёвках, потеряв сознание. Облили водой. Продолжили.

Филипп не двигался. Стоял у окна, опираясь о раму костяшками пальцев так, что они побелели. Лицо стало серым, как камень. Он ненавидел эту часть власти всей душой.

Рядом Луиза прижалась к нему теснее. Её дыхание участилось. Зрачки расширились, почти поглотив радужку. Она смотрела на избиение не с ужасом, а с жадным, болезненным вниманием исследователя.

— Ты чудовище, — прошептал Филипп, не отрывая глаз от стекающей по булыжникам крови.

— Нет, — ответила она так же тихо. Голос дрожал от возбуждения. — Я просто смотрю на инструмент, который работает. Видишь вон того парня слева? В коричневой шапке? Он кричит «Смерть королю». А вон та женщина справа... она плачет. Запиши их лица, Филипп. Нам нужны новые рекруты для тайной полиции. Страх делает людей очень разговорчивыми.

Она повернулась к нему. Прижалась всем телом, обхватив его руку своими ледяными пальцами. Её губы нашли мочку его уха.

— Вы прекрасны, когда страдаете за них, — выдохнула она. — Но страдать должны они. Откройте окно. Я хочу слышать хруст рёбер.

Этот контраст — холодный цинизм слов и горячее, влажное дыхание на шее — сломал остатки его самообладания. Боль от вида чужой муки смешалась с животным желанием обладать той, кто эту муку заказывает.

Он развернул её резко, впечатывая спиной в холодное стекло окна. Площадь была внизу, далеко. Люди выглядели как копошащиеся муравьи вокруг растерзанной туши.

— Закрой глаза, — приказал он хрипло.

— Зачем? Я хочу видеть...

— Делай, что сказано.

Она подчинилась. Ресницы опустились, отбрасывая тени на скулы. Губы приоткрылись.

Филипп задрал полы её рубашки рывком, обнажая бёдра. Ему не нужна была нежность. Ему нужно было вбить память о себе внутрь неё, перекрыть шум толпы своим дыханием.

Он вошёл в неё грубо, стоя, прямо здесь, у окна, залитого зимним светом, на виду у пустой комнаты. Одной рукой он держал её за горло — придушивая, заставляя запрокинуть голову, открывая белую линию шеи. Другой раздвинул её ноги, поднимая выше, насаживая на себя глубоко, до боли, задавая жёсткий, рваный ритм. Трение кожи о кожу заглушило звон стали кнутов внизу.

Луиза вскрикнула, но не от боли. От восторга абсолютной власти. Она встречала каждый резкий толчок движением бёдер навстречу.

Они трахались посреди государственного террора. Их стоны сливались с воплями истязаемых на площади. Для Филиппа этот акт был единственным способом доказать самому себе, что он всё ещё жив среди этого гниения; способ вернуть контроль над хотя бы одним телом в этом мире. Для Луизы — высшая форма молитвы. Доказательство того, что король принадлежит только ей, даже когда подписывает смертные приговоры.

Оргазм настиг их одновременно — острая, судорогой сводящая мышцы разрядка, выбивающая воздух из лёгких. Филипп едва успел зажать ей рот ладонью, чтобы крик экстаза не долетел до стражников в коридоре.

Когда спазм отпустил, он продолжал держать её, прижимая к стеклу, тяжело дыша в изгиб шеи. Внизу, на площади, капитан гвардии перерезал горло последнему осуждённому — милосердный удар милостью короля, прекращающий страдания. Кровь хлынула фонтаном на белый снег, которым присыпали булыжники.

Филипп медленно убрал руку от её рта. Провёл большим пальцем по припухшим губам.

— Мы потеряли половину дворянства сегодня утром, — глухо сказал он. — Тётка-регентша пишет мне письма, умоляя прекратить «бесчинства».

— Продайте земли тётки, — промурлыкала Луиза, потягиваясь кошкой в его руках. Рубашка задралась ещё выше, обнажая стройные бёдра в синяках. — И напишите епископу. Пусть молится усерднее за наши души. Богу сейчас тоже нужны деньги.

Она выскользнула из-под него, одёргивая одежду. Подошла к столу, взяла перо, макнула в чернила. Оторвала кусок чистого пергамента от какого-то прошения.

— Кстати, о деньгах, — деловито продолжила она, словно ничего не произошло. — У меня есть план насчёт шерсти. Настоящей, овечьей. Лоу торговал воздухом. Мы будем торговать кровью и шерстью. Франция замёрзнет без мундиров.

Филипп смотрел на неё, приводя в порядок свой костюм. Королева Франции. Со сбитой причёской, искусанными губами и мозгом, генерирующим государственные перевороты каждую секунду.

Он подошёл сзади, взял её кисть, сжимающую перо, и поцеловал костяшки пальцев.

— Пишите, моя королева, — сказал он. — Только постарайтесь сделать так, чтобы следующая кровь на этих улицах пролилась не завтра. Мне нужно хотя бы два дня тишины, прежде чем я начну вешать министров.

Луиза улыбнулась, не поворачивая головы. Начала быстро, летящим почерком выводить строки нового эдикта. За её спиной, в окне, солдаты смывали кровь с парижских мостовых. Игра престолов перешла в фазу индустриализации смерти.

Глава 12. Шерсть и пепел

Сон после случившегося в кабинете был тяжелым, лишенным сновидений — просто черная яма, куда Филипп провалился, едва его голова коснулась подушки. Он проснулся от того, что Луиза трясла его за плечо. В комнате было еще темно, но сквозь щели в шторах пробивался неестественный багровый свет.

— Они снова жгут, — сказала она тихо. На ней всё ещё была его рубашка, надетая на голое тело. От неё пахло вином, чернилами и остывающим сексом. — Предместье Сен-Марсель. Дым несет прямо сюда.

Филипп сел, с трудом разлепив веки. Голова больше не болела, но во рту стоял привкус желчи, а мышцы отказывались слушаться. Он чувствовал себя стариком.

— Где Аделаида? — прохрипел он. — Считает деньги в сокровищнице. Пытается понять, сколько золота мы получим, если расплавим алтарную утварь Нотр-Дама, — Луиза подошла к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу. Её силуэт в мужской рубашке казался хрупким, почти детским, но голос звучал как скрежет железа. — Я отправила швейцарцев тушить огонь. Без приказа. Просто велела им идти туда, где горит ярче всего.

Это было нарушением всех протоколов. Гвардия должна охранять короля, а не лезть в трущобы. Но это сработало. Страх перед красными мундирами оказался сильнее желания погреть руки у чужого огня.

Утро началось с крови другого рода.

В Малый кабинет Филиппа внесли носилки. На них лежал человек, замотанный в пропитанные кровью бинты так плотно, что походил на египетскую мумию. Только глаза жили на этом лице — лихорадочные, полные боли.

— Кто это? — безразлично спросил регент, откладывая депешу из Лиона.

— Главный прокурор Шатле, месье Арман де Вильморен, — ответил капитан гвардии. — Его нашли в переулке возле сгоревших складов. Ему переломали ноги дубиной. И... отрезали язык.

Луиза, сидевшая в кресле с ногами поджатыми под себя (поза абсолютно неподобающая королеве), подалась вперед.

— Вильморен? Тот самый, который санкционировал аресты бастильских вкладчиков неделю назад?

— Он самый, ваше величество.

Луиза медленно провела пальцем по краю серебряного кубка. Она молчала долго, глядя на дергающееся в судорогах лицо прокурора.

— Оставьте нас, — наконец бросила она капитану.

Когда двери закрылись, она встала. Подошла к носилкам. Наклонилась к самому лицу мужчины. Тот замычал, пытаясь отстраниться.

— Вы думали, власть — это когда вам целуют руку, сударь? — прошептала она ласково. — Нет. Власть — это когда вы можете зайти в любой дом и забрать то, что вам нужно. А люди будут молчать, потому что знают: если они пикнут, их найдут вот таким.

Она выпрямилась, обернувшись к Филиппу. В её глазах не было ни капли жалости.

— Это послание, — сказала она. — Не нам. Дворянам. Те, кто вчера смеялся над нами в салоне, сегодня поняли, что Бастилия открыта для всех. Нам нужен козел отпущения. Жертва, которая успокоит толпу своей смертью, чтобы нам не пришлось убивать сотни.

— Кого ты предлагаешь? — устало спросил Филипп.

— Тетку-регентшу слишком опасно. Народ любит принцессу крови, даже если она сука. А вот епископа Парижского... — она улыбнулась хищно. — Говорят, он прячет в подвалах

монастыря Святого Германа сорок сундуков с зерном, пока дети на Гревской площади едят ворон. Священник, пожирающий детей своего прихода — это отличный сюжет для мазаринад.

Епископа взяли той же ночью. Без суда. Просто «по подозрению в спекуляции святыми дарами». Через два дня его вздернули на фонаре у входа в монастырь. Толпа ревела от восторга. Пока мертвое тело болталось на веревке, солдаты Филиппа методично выносили из подвалов зерно.

Хлеб начали печь через сутки.

Запах свежего хлеба смешался с запахом гари. Париж начал затихать. Голод страшнее виселицы.

Вечером третьего дня Филипп нашел Луизу в библиотеке. Она стояла у камина, грея босые ступни о решетку. Белую кожу покрывал легкий слой копоти — она лично выезжала проверять посты всю последнюю неделю.

— Они называют тебя Мессалина, — сказал он, прислонившись к дверному косяку.

— Пусть называют, — она даже не повернула головы. — Главное, чтобы при виде меня у них вставали волосы дыбом, а не другой орган. Хотя...

Она резко развернулась. Сделала три шага к нему. Остановилась вплотную. Так близко, что он почувствовал жар камина, идущий от её кожи.

— Главное, чтобы у вас от меня вставал другой орган, — закончила она шепотом. Её пальцы нырнули под полу его халата, находя твердую плоть без малейшего стеснения. — Потому что если мой единственный мужчина перестанет меня хотеть, мне придется искать утешение в политике. А политика, мой король, гораздо более жестокая любовница, чем я. Она вас сожрет и не подавится.

Она опустилась на колени прямо на пушистый персидский ковер. Никакой театральности, никакой игры в покорность. Просто холодный расчет. Расстегнула пуговицы его панталон.

— Ложись на стол, — приказала она, поднимаясь. — На спину. Быстро.

Он подчинился. Холодная столешница обожгла лопатки. Луиза оседлала его одним движением, задрав полы длинной ночной сорочки до талии. В тусклом свете свечей её тело казалось высеченным из алебаstra, испачканного сажей.

Она взяла его в себя сама — грубо, глубоко, насадившись до самого основания. Замерла на секунду, прикрыв глаза, привыкая к ощущению. Затем начала двигаться. Ритм был жестким, механическим, лишенным всякой плавности. Она трахала его так же, как управляла гвардией — жестко, ставя задачи и требуя результата.

Её маленькие руки легли ему на грудь, ногти впились в кожу.

— Скажи мне, что я твоя королева, — выдохнула она, ускоряя темп. Её бедра ударялись о его бедра с глухими влажными шлепками. — Скажи, или я пойду сейчас к Аделаиде и расскажу ей, как именно мы будем делить доходы от продажи шерсти.

— Ты моя королева, — простонал Филипп, чувствуя, как мир сужается до точки соприкосновения их тел. — Боже, помоги мне... ты моя проклятая королева.

— То-то же, — рыкнула она, запрокидывая голову. Оргазм накрыл её внезапно, заставив выгнуться дугой, опираясь руками о его плечи. Она кончила сильно, пульсируя вокруг него, сжимая так туго, что он закричал следом, выплескиваясь в неё горячими, рваными толчками.

Они остались лежать на столе. Она тяжело дышала ему в шею, всё ещё сидя сверху. Копоть со стоп стерлась о его халат, оставив грязные следы.

— Зерна хватит на месяц, — сказала она спустя минуту, возвращаясь к реальности. — Если введем жесткие пайки. Потом начнется людоедство.

— Продай Версаль, — глухо отозвался он, глядя её по спутанным волосам. — Весь. До последнего подсвечника.

— Уже написала указ, — она поцеловала его в кадык, оставляя мокрый след. — Утром курьер повезет его в Совет.

Она подняла голову. Посмотрела ему в глаза. Впервые за долгое время в её взгляде не было стали. Там была бездна.

— Мы выживем, Филипп?

Вопрос прозвучал настолько тихо, что он скорее угадал его по движению губ. Перед ним была не чудовище с площади и не расчетливая стерва из кабинета. Напуганная девочка, которую вытащили из грязи и посадили на трон, залитый кровью.

Филипп притянул её голову вниз, целуя долгим, глубоким поцелуем. Поцелуем собственника. Поцелуем человека, готового убить весь мир ради того, чтобы эти серые глаза смотрели только на него.

— Выживем, — солгал он. — Мы теперь бессмертны. Разве короли могут умереть?

За окнами дворца падал первый настоящий снег, укрывая гниющий, голодный, но поко-
рившийся Париж белым саваном. Игра престолов перешла в фазу выживания.

Глава 13. Продажа призраков

Зима в Париже пришла не с мягким снегом, а с ледяным панцирем на сточных канавах. Смерть от холода стала такой же обыденностью, как и смерть от голода. Запах дыма больше не вызывал тревоги — он стал запахом домашнего очага для тех, кому повезло найти хотя бы щепку.

Филипп стоял у окна своего кабинета, глядя на внутренний двор Пале-Рояля. Там солдаты ломали изящные позолоченные скамьи эпохи Людовика XIV, чтобы пустить дерево на дрова для гвардейских казарм. Регент смотрел, как хрустит резное дерево, и чувствовал лишь тупое раздражение: древесина была мягкой, она будет быстро прогорать.

— Выглядите так, будто готовы лично пойти туда с топором, — голос Луизы прозвучал прямо над ухом. Она подошла бесшумно, как всегда. На ней было платье из грубого серого сукна — ни жемчугов, ни парчи. Единственным украшением служил простой железный крест на чёрной ленте.

Королева Франции теперь одевалась как экономка зажиточного буржуа.

— Эти идиоты рубят вдоль волокон, — процедил Филипп. — Они угрожают резьбу раньше, чем получают тепло. Прикажи им сменить угол удара или я прикажу забить десятника в колодки.

— Я уже приказала, — Луиза взяла его за руку, отрывая взгляд от двора. Её пальцы были ледяными. — Но они боятся замахиваться сильнее рядом с окнами короля. Боятся попасть в стекло. Твои гвардейцы стали пугливыми, как монашки.

Она развернула его лицом к себе. Провела большим пальцем по глубоким теням под его глазами. За последний месяц лицо Филиппа осунулось, кожа натянулась на скулах, приобретя нездоровый землистый оттенок.

— Ты спишь?

— Урывками, — он перехватил её руку и прижался губами к замёрзшим костяшкам. — Аделаида прислала отчёт из сокровищницы. Если мы расплавим всё серебро короны, нам хватит на два месяца провианта для армии. Потом придётся жрать кожаные ремни.

— Серебро оставь. Оно блестит. Нам нужно золото.

Луиза отпустила его руку и прошла к бюро. Достала из секретёра тяжёлый ключ, открыла нижний ящик, запёртый отдельно. Внутри лежало всего несколько листов пергамента.

— Я нашла покупателя, — сказала она тихо. — Он ждёт внизу. В комнате для тайных аудиенций.

— Кто? Англичане? Испанцы? Они потребуют территорий за хлеб.

— Хуже. Месье Антуан Делиль. Банкир. Из *новых*.

Слово «новые» повисло в воздухе тяжёлым камнем. Нувориши, нажившиеся на крахе Лоу, которых старая аристократия презирала всей душой. Люди без чести, но с сундуками реального золота.

— Что ему нужно? Титул? Земли тётки-регентши?

— Ему нужна иллюзия, — Луиза закрыла ящик на ключ. — Он хочет купить ночь с королевой. Со мной.

Филипп замер. Инстинкт собственника ударил в голову горячей волной, смешиваясь с абсурдностью ситуации. Его жена, мать будущего короля, предлагала себя как шлюху ради мешка монет.

— Нет, — отрезал он.

— Это не просьба о разрешении, Филипп, — она обернулась. Глаза её были тёмными и абсолютно спокойными. — Это доклад о проделанной работе. Сделка почти закрыта. Сорок тысяч ливров золотом. Настоящим. Этого хватит, чтобы накормить Париж неделю. Целую

неделю без трупов на улицах. Взамен один ужин и одна ночь. Он спит в своих покоях, я — в своих. Никакого прикосновения без моего согласия. Это цена хлеба.

— Цена твоего достоинства...

— Моё достоинство сгорело вместе с мостом Менял, — перебила она. Подошла вплотную, заставляя его поднять глаза. — Ваше величество, вы когда-нибудь смотрели, как человек ест собственную ногу? Я видела это вчера в Ле-Але. Достоинство стоит дорого. Сон обходится нам в сорок тысяч ливров каждые три дня. Выбирайте.

Её прагматизм был настолько чудовищным, что убивал в нём всякое желание спорить. Это было всё равно что спорить с чумой о правилах приличия.

Антуан Делиль оказался невысоким, лысеющим человеком с пальцами, униженными перстнями такой величины, что они мешали ему держать вилку. Ужин проходил в малой столовой. Свечи оплывали в массивном шандале — единственном предмете роскоши, который остался на столе.

Делиль ел паштет с жадностью собаки, то и дело бросая быстрые взгляды на Луизу. Филипп сидел во главе стола, медленно вращая в пальцах бокал с водой (вино берегли), и наблюдал за ними. Ощущение было тошнотворным, словно он пришёл наниматься в сутенёры к собственной жене.

— ...Бастилия неприступна, мадам, — бубнил банкир с набитым ртом. — Ваши швейцарцы работают чисто. Золото там гниёт. Мой банк мог бы обеспечить ликвидность...

— Ваш банк обеспечит мне зерно, — холодно ответила Луиза, промокая губы салфеткой. — А Бастилию оставьте короне. Мы сами решим, чьи кости гнить в её подвалах.

После ужина протокол требовал карт. Играли в ломбер. Ставки были издевательски малы — пять ливров партия. Делиль проигрывал намеренно, бледнея каждый раз, когда Луиза поднимала на него свои прозрачные серые глаза поверх веером разложенных карт.

В полночь Филипп поднялся.

— Королева устала, — сказал он ровным голосом. Голос сел от сдерживаемой ярости. — Оставьте нас.

Он кивнул банкиру, затем перевёл взгляд на жену. Это был молчаливый вопрос: «Ты уверена?»

Луиза едва заметно опустила ресницы. Разрешение.

Когда двери за регентом закрылись, Луиза встала. Медленно сняла с шеи железный крест и положила его на стол перед банкиром.

— Ваша часть сделки, месье Делиль. Идите за мной.

Она не дала ему времени на торжествующую улыбку. Просто повернулась и пошла к выходу из гостиной. Он засеменил следом, тяжело дыша от возбуждения и одышки.

Спальня королевы встретила их холодом. Камин давно остыл.

Луиза остановилась посреди комнаты. Не поворачиваясь к нему лицом, она начала раздеваться сама. Расстегнула крючки на спине сурового платья. Серая ткань упала к ногам бесформенной кучей. За ней последовала нижняя сорочка из грубого полотна.

Она стояла обнажённая в лунном свете, падавшем через высокое окно. Без пудры, без румян, со следами копоты на ключицах и синяком на бедре — памятью об их ночи на письменном столе. Она не пыталась соблазнять. Она просто стояла, позволяя ему смотреть на товар.

Банкир судорожно сглотнул. Его руки тряслись, когда он доставал свой кошелёк.

— Вы... прекрасны, — выдохнул он. — Совсем не такая, как на гравюрах...

— Гравюры лгут, — её голос звучал отстранённо, словно она диктовала секретарю указ. — Положите золото на туалетный столик. Всю сумму.

Мешочки глухо звякнули о мрамор.

— Теперь кресло, — скомандовала она. — Садитесь. Руки положите на подлокотники. И не смейте вставать, пока я не разрешу.

Он плюхнулся в вольтеровское кресло у камина, выпучив глаза. Он ожидал покорности наложницы гарема. Получил тон тюремщицы.

Луиза подошла к нему. Остановилась между его расставленных колен. От неё пахло золой и дешёвым мылом.

— Вы купили час моего времени, — прошептала она, наклоняясь. Её груди коснулись его коленей. — Вы можете смотреть. Можете дышать мной. Можете кончить в свою ладонь, если сможете. Но вы не прикаснётесь ко мне. Ни пальцем. Попытайтесь — уйдёте отсюда с вырванным глазом. Вам ясно?

Он часто закивал, потев от смеси страха и похоти.

Для Луизы-Антуанетты этот час превратился в самую изысканную пытку. Она двигалась вокруг него плавно, как хищница. То прижималась спиной к его плечу, позволяя почувствовать жар своего тела, то садилась на ручку кресла так, что открывался вид на влажную плоть между бёдер, но стоило ему дёрнуться рукой, она резко меняла позу.

Она говорила с ним. Рассказывала о дефиците бюджета, о том, сколько стоит фунт пороха, о том, что его конкуренты-банкиры сейчас грызут друг другу глотки за право дать короне займы под залог воздуха. Пока она методично уничтожала его финансовую империю словами, её тело находилось в дюймах от его лица.

Через сорок минут банкир хрипел, вцепившись в подлокотники побелевшими пальцами, содрогаясь в беззвучном, постыдном оргазме прямо в свои бархатные бриджи. Он плакал. Слёзы катились по полным щекам — слёзы унижения экстаза.

Луиза закончила ровно в тот момент, когда его конвульсии стихли. Она выпрямилась. Поправила волосы.

— Время вышло, месье Делиль.

Она отошла к окну, завернувшись в тяжёлую штору, пока он, пошатываясь, приводил одежду в порядок. Он выглядел выжатым досуха, постаревшим на десять лет.

— Зерно прибудет завтра на рассвете, — бросил он, боясь посмотреть ей в глаза. — Через ваши склады в Ла-Виллет.

— Приятного остатка ночи, — она даже не повернула головы.

Когда дверь за ним закрылась, замок щелкнул, Луиза ещё долго стояла у окна, сжимая руками холодный подоконник. Спиной к комнате.

Тихий звук шагов. Филипп вышел из тени алькова, где провёл последние полтора часа, чувствуя, как внутри всё кипит от ревности и беспомощности. Он подошёл к ней сзади. Обнял, укрывая своим тёплым халатом. Прижал к себе крепко, защищая от сквозняка и от самой себя.

Они стояли так долго. Король и Королева. Два сообщника, только что продавших кусок души своей страны за мешок зерна.

— Он назвал тебя прекрасной, — глухо сказал Филипп в её макушку.

— Пусть лучше пускает слюни на меня, чем точит ножи на Бастилию, — ответила она деревянным голосом. Затем её плечи дрогнули. Впервые за весь вечер в её тоне прорезалось человеческое, бабье отчаяние. — Боже мой, Филипп... я ведь действительно собиралась позволить ему тронуть меня. Если бы он предложил шестьдесят тысяч...

Филипп развернул её к себе. Поцеловал жестоко, вбивая свои зубы в её губы, заглушая признание. Подхватил на руки и понёс к кровати.

Он входил в неё так, словно пытался вытатуировать своё имя у неё внутри навсегда, доказать этому мертвому городу, этой банке с пауками и самому себе, что эта плоть принадлежит только ему.

Луиза отвечала с той же животной яростью, впиваясь ногтями в его спину до крови, кусая его плечо, чтобы не закричать от боли и острого, сводящего с ума наслаждения.

Это был секс выживших. Акт клеймения территории посреди зимы, которая обещала сожрать их всех.

Когда всё закончилось, они лежали в темноте, переплетаясь конечностями, пытаясь согреться общим теплом.

— Завтра придёт корабль из Бретани, — сонно пробормотала Луиза ему в грудь. — Там сельдь. Протухшая, конечно. Придётся варить с травами, чтобы отбить запах. Но люди будут сыты.

— Спи, моя королева, — прошептал он, целуя её в висок. — Я куплю тебе новую рубашку. Из шёлка.

— Только попробуй истратить на тряпки деньги, которые могли стать хлебом, — сквозь дрему огрызнулась она. — И я кастрирую тебя этим самым железным крестом.

Филипп усмехнулся в темноте. Закрыл глаза, слушая, как ветер завывает в дымоходах проданного Версаля. Франция превращалась в пепел, но они всё ещё держались друг за друга.



Глава 14. Соль на ранах

Вместе с весной бретонские рыбаки привезли в Париж и надежду — ту самую протухшую сельдь, о которой говорила Луиза. Голод отступил, сменившись тупой апатией выживших. Люди больше не бунтовали; они просто сидели у остывших очагов своих выгоревших домов, кутаясь в лохмотья.

Филипп стоял у окна своего кабинета, глядя на внутренний двор Пале-Рояля. Там, внизу, солдаты ломали изящные позолоченные скамьи эпохи Людовика XIV, чтобы пустить дерево на дрова для гвардейских казарм. Золотой шелест ткани отдавался болью в усталых мышцах спины.

— Просыпайтесь, спящая красавица, — бросила Луиза, не оборачиваясь. В голосе снова зазвенел тот самый утренний металл. — Бургунды требуют субсидий за то, что их вино никто не покупает. Я сказала казначею, что если они ещё раз придут к вам с пустыми руками, вы обложите налогом их виноградники так, что они будут давить сок босыми ногами вместе с камнями.

Филипп сел в кровати, натягивая шёлковую простыню до пояса. Мигрень отступила, оставив после себя лишь звенящую пустоту и зверский голод. Он смотрел на свою невесту — теперь жену и королеву — и чувствовал холодок вдоль позвоночника. Девчонка из кареты окончательно умерла. На её месте сидел гениальный бухгалтер со склонностью к массовым убийствам.

— Они украли резьбу, — бросил Филипп, заправляя выбившуюся прядь за ухо. Реймская лихорадка отступила, оставив под кожей серые тени. — Я велел гвардейцам «случайно» утопить троих перекупщиков, которые пытались придержать муку на складах. Остальные стали очень щедрыми благотворителями для парижских госпиталей.

Луиза закончила чистить нож и убрала его в обитый бархатом футляр. Затем медленно поднялась. Повернулась к нему. За месяцы холода её красота изменилась: ушла детская припухлость щёк, скулы стали острыми, как грани алмаза, а во взгляде застыл ледяной покой человека, способного смотреть на повешенных детей во время завтрака.

— Аделаида хочет поговорить с тобой, — бросила она, расстёгивая крючки на спине платья. — Сегодня после полуночи. В своём кабинете.

Филипп напрягся. Маркиза де Тианж последние месяцы вела себя тише воды, ниже травы, превратившись из теневого кардинала в простого секретаря по делам церкви. Её внезапное желание «поговорить» пахло ядом.

— О чём?

— О Боге. О душе Франции. О том, что мы продаём страну дьяволу по частям, — Луиза стянула платье через голову, оставаясь в одной тонкой сорочке. — Она принесла мне письмо из Рима. Папа недоволен конфискацией алтарной утвари. Кажется, наш епископ-миллионер успел написать доносы прежде, чем его вздёрнули.

Она подошла к кровати, начала деловито взбивать подушки.

— Ты пойдёшь? — спросил Филипп.

— Нет, — Луиза легла, натягивая одеяло до подбородка. — Это твоя война. Моя закончилась, когда я встала на колени перед банкиром. Теперь очередь старой девы напомнить тебе о первородном грехе. Не разочаруй её, будь паинькой. Поцелуй ей ручку. Скажи, что сожалешь о золоте. И вели своим шпионам вскрыть её переписку сразу после того, как она закроет за тобой дверь.

Кабинет Аделаиды де Тианж тонул в полумраке. Единственная свеча горела на столе, освещая лишь стопку бумаг и бледные, холёные руки маркизы. Она постарела. Философский

стоицизм сполз с неё, обнажив усталость женщины, которая проиграла битву за душу мужчины более прагматичной сопернице.

— Вы выглядите лучше, Филипп, — тихо сказала Аделаида, когда регент вошёл. — Сон идёт вам на пользу.

— Зерно из Бретани творит чудеса, — сухо ответил он, садясь в кресло без приглашения. — Как и страх голодной смерти. Доброй ночи, маркиза. Надеюсь, дело действительно важное. Мне нужно проверить посты у Лувра до рассвета.

Аделаида долго смотрела на него. В её глазах плескалась жалость — чувство, которое ненавидят все монархи.

— Вы превратили Францию в военный лагерь, — произнесла она наконец. — Ваша жена спит с ножом под подушкой, ваши министры боятся дышать, а народ молится не Богу, а булочнику. Мы выиграли зиму, потеряв королевство.

— Королевство — это люди, — отрезал Филипп. — Если бы я сохранил позолоту Версаля ценой жизней десяти тысяч парижан весной, кто бы правил этой страной летом? Призрак Короля-Солнца? Золото мёртвых плохо держит власть.

— Но какой ценой? — голос Аделаиды дрогнул. — Вы заставили свою жену торговать собой. Вы вешаете людей на фонарях быстрее, чем священники успевают читать отходные молитвы. Душа чернеет, Филипп. Когда вы сядете на трон официально, эта тьма станет сутью короны.

Филипп смотрел на пламя свечи. Ему вдруг смертельно надоело слушать про «душу». Хотелось спать. Или пить. Или свернуть кому-нибудь шею голыми руками — просто чтобы почувствовать себя живым мясом, а не функцией государства.

— Где письма из Рима? — перебил он её проповедь.

— У вас в кармане, — горько усмехнулась Аделаида. — Ваши люди обыскали меня трижды, прежде чем пустили сюда. Читайте. И уходите. Оставьте бедную женщину хоть с каплей иллюзии, что её слово ещё имеет вес при дворе.

В кармане сюртука действительно лежал плотный конверт с печатью курии.

Филипп встал. Подошёл к столу. Наклонился, опираясь кулаками о столешницу, нависая над маркизой. Их лица оказались в нескольких дюймах друг от друга.

— Ваше слово имело вес, пока вы могли предложить мне решение, Аделаида, — прошептал он. Холодным, змеиным шёпотом. — Сейчас вы предлагаете мне вину. Вина не греет солдат. Вина не печёт хлеб. Мой шпион сидит под вашим столом уже десять минут. Хотите узнать, насколько глубоко ваше бюро прогнило предателями? Или всё же поговорим о спасении моей души?

Маркиза побледнела так, что казалось — сейчас упадёт в обморок. Иллюзия контроля рухнула окончательно. Она поняла: та девочка-оторва, которую она пыталась наставлять, давно перегрызла глотку льву и сама села на его место. А лев... лев просто устал рычать.

— Чего вы хотите? — выдохнула Аделаида.

— Чтобы вы подписали указ о полной секуляризации церковных земель Лангедока, — спокойно сказал Филипп. — Завтра утром. Иначе ваш любимый монастырь Святого Германа разберут по кирпичику, а мощи святых пойдут на растопку кухни для сирот. Выбирайте, святая мать. Спасение моей души или спасение ваших реликвий.

Он выпрямился. Поклонился ей с безупречной придворной вежливостью, скрывающей абсолютное презрение.

— Благодарю за беседу. Передавайте привет вашему исповеднику. Хотя нет... не стоит. Он скоро будет давать показания Бастилии.

Когда двери закрылись, Филипп вышел в коридор. Достал письмо из Рима. Развернул прямо при свете факела. Пробежал глазами витиеватый латынь проклятий и угроз интердикта.

Сложил бумагу, чиркнул кресалом и поджёг край листа от ближайшего факела. Держал, пока огонь не лизнул пальцы, затем бросил догорающий комок в медную плевательницу.

Тьма внутри него больше не пугала. Она стала удобным плащом, который грел лучше любой шубы.

Он вернулся в спальню. Луиза не спала. Сидела на краю кровати, точила другой кинжал — маленький, метательный. Огонь отбрасывал жутковатые тени на её сосредоточенное лицо.

— Что хотел призрак добродетели? — спросила она, не поднимая головы от работы.

— Просил вернуть деньги Богу. Предлагал помолиться.

— Надеюсь, ты был вежлив?

— Я пообещал разобрать церковь по кирпичу, если она не отдаст нам Лангедок, — он подошел сзади, положил ладони ей на плечи. Они были напряжены, как тетива лука. — Ей скучно, Луиза. Скучно быть святой среди мертвецов.

Луиза фыркнула, но послушно потянулась к замкам короны. Золото соскользнуло с её волос с тихим шелестом и тяжело легло на бархат подушки между ними.

— Нам всем скучно, — тихо сказала она, поворачиваясь. — Мы слишком хорошо научились выживать. Теперь мы просто ждем лета. Ждем твоей коронации. Чтобы понять, остались ли мы людьми вообще.

Филипп обошёл кровать и упал перед ней на колени. Положил голову ей на бедра, пряча лицо в складках грубой ночной рубашки. Впервые за полгода самый могущественный человек во Франции позволил себе жест абсолютной, детской усталости.

— Сделай так, чтобы я забыл, — пробормотал он в ткань. — Пожалуйста. Просто сделай так, чтобы здесь ничего не болело.

Луиза замерла. Медленно опустила руку ему на затылок, зарываясь пальцами в густые волосы. Она гладила его по голове долго, молча, как гладят испуганную собаку после драки. Никакой страсти. Только бесконечная, всепоглощающая нежность двух калек, помогающих друг другу стоять.

— Спи, мой король, — прошептала она. — Я посижу рядом. Никто не войдёт.

И Филипп уснул там же, на холодном полу спальни, прижавшись к единственному человеку во всей империи, которого боялся меньше, чем самого себя.

Глава 15. Пепел и мирро

Май в Париже выдался удушливым.

Снег давно сошел, обнажив черные язвы пожарищ. Из пригородов начали вывозить трупы тех, кто не пережил зиму в своих ледяных постелях. Подготовка к коронации шла параллельно с очисткой улиц: плотники строили трибуны для знати на Гревской площади ровно там же, где еще неделю назад высились горы гниющего мусора.

Филипп стоял перед зеркалом в личных покоях Тюильри. Камердинеры затягивали шнуровку камзола из золотой парчи. Ткань весила почти как кольчуга, а вышивка жемчугом царя пала шею. Регент смотрел на свое отражение и видел чужака. За месяцы холода его лицо заострилось, глаза запали, окруженные черным ореолом усталости. Ему было сорок два, но зеркало показывало старика, чудом выбравшегося из могилы.

— Выпрямите плечо, сир, — шептал камердинер. — Осанка должна быть безупречной. Народ смотрит на спину короля так же часто, как на лицо.

Двери распахнулись без стука. На пороге стояла Луиза. Она успела переодеться: вместо грязного дорожного костюма на ней было простое платье-манто из белого атласа, расшитое серебром. Волосы были подняты высоко, открывая длинную, уязвимую шею. Никакой пудры. Лицо казалось бледным, но чистым. Она смотрела ему прямо в глаза.

— Выглядите так, будто спали в сточной канаве, — промурлыкала она. — Бургунды требуют субсидий за то, что их вино никто не покупает. Я сказала казначею, что если они ещё раз придут к вам с пустыми руками, вы обложите налогом их виноградники так, что они будут давить сок босыми ногами вместе с камнями.

— Затяните сильнее, — прохрипел Филипп, закрывая глаза. — Если я посинею лицом, это будет дурным знаком для экономики.

Луиза подошла сзади. Положила руки ему на плечи поверх жесткой парчи.

— Они пытаются застегнуть тебя так туго, что ты потеряешь сознание раньше, чем выйдешь к алтарю, — прошептала она. — Дыши. Если посинеешь, Аделаида решит, что мы принесли жертву дьяволу ради урожая винограда.

— Аделаида прислала письмо, — выдохнул он.

— Пусть поцелует мой кинжал, — фыркнула Луиза, ослабляя шнуровку ровно на полдюйма, давая легким пространство. — Дыши. Если посинеете, казначей поднимет налоги на соль от страха. Нам нужен синий король или живой?

Когда камердинеры деликатно отвернулись, Филипп наконец позволил себе закрыть глаза. Жар её ладоней через тонкую ткань рубашки ощущался как единственное настоящее пятно тепла в этом ледяном мире.

— Лангедок горит, — внезапно сказала Луиза, когда они остались одни. Её голос звучал буднично, словно речь шла о нехватке дров. — Аббаты подожгли амбары, узнав об указе Аделаиды. Нам придется отправить туда драгун. И хлеб. Много хлеба, чтобы тушить пожар золотом.

Филипп молчал, глядя на своё отражение. Зеркало дробило комнату на острые углы теней.

— Она хочет поговорить, — продолжила Луиза тише. — Сегодня после полуночи. В своем кабинете.

— О чем? — спросил регент, хотя знал ответ наперед.

— О Боге. О душе Франции. О том, что мы продаем страну дьяволу по частям. Она принесла мне письмо из Рима. Папа недоволен конфискацией алтарной утвари. Кажется, наш епископ-миллионер успел написать доносы прежде, чем его вздернули.

Филипп медленно кивнул. Весь день он балансировал на грани обморока, удерживая на плечах тяжесть двух корон — своей и её. Теперь маска дала трещину.

— Чего она хочет?

— Чтобы ты вернул земли. Лангедок. Говорит, папа наложит интердикт.

— Скажи ей... — он осекся, переводя дух. — Скажи ей, что если Рим хочет забрать Лангедок, пусть пришлет легионеров. Мы встретим их картечью. А теперь иди. Мне нужно закончить туалет.

Но Луиза не двинулась. Она обошла кресло и встала вплотную, прижимаясь к нему всем телом. Холодная шелковая сорочка коснулась его обнаженного плеча.

— Не отправляйте меня, — прошептала она. Голос изменился, потеряв металлические нотки. Стал мягким, опасным. — Я знаю, куда вы поедете. К этой мертвой монахине. Скажите ей всё, что хотите. Но помните: ваше золото лежит под моей кроватью. Сорок тысяч. И если трон упадет, пока вы будете исповедоваться, именно мои гвардейцы первыми начнут стрелять во врагов короны.

Она наклонилась ниже. Её губы оказались в дюйме от его губ. Запах дорожной пыли смешался с запахом лаванды.

— Наденьте маску льда, Филипп, — прошептала она. — Идите и забейте эту старую суку обратно в её склеп. А потом возвращайтесь. Я буду ждать. И принесите мне чертово бургундское. Умираю от жажды.

Она выскользнула из комнаты бесшумно, оставив ощущение надвигающейся бури.

Филипп остался один. Медленно подошел к умывальнику. Посмотрел в треснувшее зеркало. Натянул на лицо непроницаемую маску абсолютного спокойствия. Король мертв. Да здравствует механизм.

Ночью она пришла к нему сама.

Филипп лежал на спине, глядя в потолок невидящим взглядом. Боль пульсировала в черепе красным набатом. Он даже не услышал, как она вошла.

Луиза села на край постели. Провела рукой по его груди, опускаясь ниже, расстегивая пуговицы на бриджах. Никаких прелюдий. Только жесткая необходимость сбросить напряжение, которое накопилось.

Он перехватил её руку.

— Луиза...

— Тише, — она оседлала его одним движением, лишая возможности отстраниться. — Молчите. Просто дышите.

Он вбивал её в матрас, впечатывая в льняные простыни свой страх, свою ярость и колоссальное напряжение воли. Она отвечала ему тем же — встречая каждый удар с животным остервенением, принимая его боль как свою.

Оргазм настиг их одновременно — острый, болезненный, вымывающий воздух из легких.

Они остались лежать сплетенными, тяжело дыша. Пот заливал кожу. Внизу, под окнами дворца, перекликалась стража.

— Три минуты, — хрипло сказала Луиза, наконец отстраняясь. Поправила волосы с пугающей скоростью — ни единой складки, ни единого сбившегося локона. Будто ничего не произошло. — Можете считать себя представленным ко двору. Полноценно.

Она поднялась, подобрала с пола кинжал и начала деловито чистить ногти маленьким стилетом.

Филипп смотрел на неё снизу вверх. На женщину, которая только что занималась с ним сексом с эффективностью гильотины, а сейчас чистит ногти, словно после ужина.

— Лангедок горит, — сказала она, прерывая тишину. — Аббаты подожгли амбары. Нам нужны драгунские полки. И хлеб. Очень много хлеба.

Он смотрел на неё, пытаясь восстановить дыхание. Впервые за полгода правления Луи-Филипп Орлеанский почувствовал не страх.

Он почувствовал триумф.

Глава 16. Холод алтаря

Реймс встретил их не звоном колоколов, а запахом мокрого камня и страха.

Город, веками живший за счет помазания королей, умирал от тишины. Коронация Людовика XV в Париже высосала из столицы последние соки: казна пуста, народ голодает. Филипп перенес церемонию в Реймс — это было дешевле, чем обеспечивать безопасность в Версале, но древний собор оказался промерзшим склепом.

Филипп шел по центральному нефу под гулкими сводами. Звук его шагов тонул в толстых коврах, но каждый удар сердца отдавался в ушах набатом. Холод стоял такой, что дыхание превращалось в пар. Золото алтаря казалось тусклым свинцом.

Мантия, расшитая золотыми лилиями, весила как кольчуга из свинца.

Верховный капеллан Франции, морщась от запаха плесени и дешевого вина, которое регент приказал выдать клиру вместо отмененного жалования, поднял флакон со священным миром.

Филипп стоял на коленях перед алтарем. Мигрень, которую он сдерживал сутками ударной дозой опиума, обрушилась на него всей тяжестью кузнечного молота. Свет факелов резнул по глазам. Мир сузился до точки боли в левом виске.

Я мясник, думал он, чувствуя, как скользит палец священника по его лбу. *Я торговец шляхами и зерном. Мажь меня своим жиром, святой отец. Посмотрим, защитит ли он от кинжала*.

Луиза стояла рядом. На ней всё еще не было белого платья — оно безнадежно испачкалось во время стычек последних недель. Капитан гвардейцев нашел в закромах ризницы старую мантию бургундских герцогов — тяжелую, темно-красную, вышитую потускневшим золотом. Ткань пахла ладаном и тленом.

Когда капеллан начал читать молитву об исцелении короля, Филипп пошатнулся. Масло было холодным и липким. Ему захотелось вытереть лоб, но руки были заняты державой. Он сжал челюсти так, что свело скулы.

Когда пришла очередь Луизы, атмосфера изменилась. Толпа, до этого гудевшая сдержанно, затаила дыхание. Королева-консорт всегда оставалась тенью. Но эта тень только что спасла страну от голода ценой собственного унижения.

Архиепископ замешкался. Протокол гласил: «Помазываю тебя на царство». Но глядя в прозрачные серые глаза Луизы, старик запнулся. В них не было смирения для принятия благодати. Была сталь.

— Смелее, святой отец, — тихо произнесла она. Голос прозвучал в абсолютной тишине собора громче органа. — Или масло замерзло?

Это сломало напряжение. Архиепископ вздрогнул и поспешно завершил ритуал, бормоча молитву слишком быстро. Капля мира скатилась по её виску. Она даже не моргнула.

Церемония тянулась вечность. Клятвы. Причастие. Символическое вручение кольца, скипетра и руки правосудия.

К тому моменту, когда Филипп наконец смог сесть на трон — настоящий, древний трон Каролингов — ноги отказывались его держать. Мигрень вернулась тупым сверлом в левый висок. Корона давила на свежие швы (он рассек голову о полку с картами накануне).

Он сидел, выпрямив спину, механически кивая процессии дворян, приносящих оммаж. Его лицо превратилось в гипсовую маску.

Луиза стояла рядом. Место жены. Место украшения.

Но когда старый граф Прованса склонился перед королем, долго целуя перстень и рассыпаясь в верноподданных любезностях, покачиваясь от старости и выпитого для храбрости вина, произошло движение.

Граф потерял равновесие. Его дряхлое тело качнулось вперед. Падение лицом вниз на ступени трона стало бы катастрофой — насмешкой над всей церемонией, которая может стоять им поддержки аристократии.

Тело Луизы среагировало быстрее мысли.

Она метнулась вперед одним гибким движением пантеры. Обхватила старика за талию, удержав его огромный вес, плавно опустила на одно колено вместо того, чтобы позволить ему растянуться на полу. Всё это заняло меньше секунды. Со стороны выглядело так, будто благородная дама просто помогла пожилому кавалеру обрести устойчивость.

— Благодарю вас, мадам, — прохрипел граф, хватая ртом воздух.

Луиза лишь кивнула, помогая ему подняться. Вернулась на свое место. Ни один мускул не дрогнул на её лице. Только Филипп, смотревший на неё сверху вниз, заметил, как сбившийся от резкого движения лиф платья обнажает край синяка на ключице — след их ночной схватки в библиотеке. И крошечную капельку пота, стекающую по её виску под краем короны.

Их взгляды встретились.

В этот момент между ними проскочил разряд такой силы, что Филипп забыл, где находится. Не было толпы. Не было архиепископа. Не было умирающей монархии. Был только код, понятный им двоим: *«Я держу твою спину. Я вижу сквозь твою броню. Мы всё ещё живы»*.

Присяга закончилась.

Зазвучали трубы. Les Tuilleries выстрелили салютом прямо у дверей собора, заставив витражи задрезжать.

Да здравствует король! Да здравствует королева!

Толпа ревела. Двор плакал от умиления или зависти.

Филипп медленно поднялся с трона. Боль в ногах была адской. Он протянул руку. Луиза вложила свою в его — узкую, холодную, жесткую ладонь женщины, которая умеет точить ножи и ломать мужчин взглядом.

Они повернулись к выходу.

Шли сквозь строй склоненных голов обратно к солнечному свету.

Снаружи, на паперти, слепило солнце. Воздух пах летом, пылью и свободой от зимнего смрада.

Филипп остановился на верхней ступени, ослепленный после темноты собора. Снял тяжелую корону двумя руками. Золото блеснуло, отразившись в расширенных зрачках Луизы.

Он посмотрел на свой народ — грязный, оборванный, обожающий его в эту секунду, потому что он дал им хлеб.

Затем он перевел взгляд на женщину рядом. Свою жену. Свое проклятие. Свой единственный надежный механизм.

— Откройте мой кабинет, — сказал он вполголоса, передавая корону пажу. — И принесите бургундского. самого дешевого. От запаха ладана меня тошнит.

Луиза улыбнулась. Впервые за весь день искренне. Это была улыбка сообщницы.

— Будет исполнено, сир. Я уже отправила гонца к Делиллю. Кажется, у него осталась парочка сундуков с серебром, которое мы забыли конфисковать. Хороший день.

Она взяла его под локоть, принимая на себя часть веса его уставшего тела. Они начали спускаться по ступеням — не как боги сошли с Олимпа, а как два очень опасных, смертельно уставших зверя, возвращающихся в свою берлогу делить добычу. Игра престолов официально завершилась. Началась эпоха правления пепла.

Глава 17. Ржавчина на лилиях

Коронация не принесла облегчения, лишь сменила тип усталости.

Зимняя усталость была острой — она грызла кости и туманила разум страхом смерти. Летняя усталость оказалась вязкой, свинцовой. Теперь приходилось носить шелк вместо дерюги, а улыбаться нужно было шире, чтобы никто не заметил клыков.

Город спешно отмывали от копоты перед визитом иностранных послов. Сгоревшие остовы домов сносили по ночам, засыпая ямы известью. Но запах гниения всё равно пробивался сквозь аромат роз, которые Луиза приказала высадить тысячами у нового парадного входа в Тюильри.

— Они называют это «Прекрасной эпохой», — процедил Филипп, бросая депешу из Испании на инкрустированный столик. — Мы называем это «закупка шпаг у контрабандистов». Если Вена узнает, что мы вооружаем Савойю за их счет, нас объявят вне закона до заката. Оружие Венеции стоит дороже наших обещаний.

Он сидел в кресле, одетый лишь в батистовый халат. Корсет придворного платья был безжалостно распушен, обнажив бледную грудь с проступающими ребрами. Мигрень снова вернулась — пульсирующий красный уголь в левом глазу. За месяцы власти его лицо приобрело ту самую чеканную красоту хищной птицы, которой будут пугать детей следующие столетия: высокие скулы, тонкие губы, вечно полуприкрытые веки.

Луиза стояла у окна, выходящего в сад. На ней было платье цвета увядшей листвы — никаких ярких тонов победителя, только приглушенная гамма земли. Она похудела еще сильнее, став почти прозрачной, но эта хрупкость была обманчива. Её движения оставались резкими, экономными.

— Пусть объявляют, — пожала она плечами, не оборачиваясь. У Габсбургов своя чума в Венгрии, им сейчас не до нас. А посол Венеции... — она сделала паузу, чуть склонив голову набок. — ...слишком громко восхищался фарфором маркизы де Помпадур вчера вечером. Отправь ему этот сервиз в подарок завтра утром. Вместе со счетом за него. Он поймет намек и перестанет смотреть на наши верфи.

Это была её новая манера управления — экономика через унижение. Она раздавала подарки так, словно швыряла объедки собакам, заставляя знать чувствовать себя обязанными вдвойне.

Филипп потер переносицу. Боль становилась невыносимой.

— Где порошок? — спросил он, зная, что она услышит даже шепот.

Луиза подошла к бюро. Достала тяжелый серебряный флакон. Откупорила его. Запах камфоры и горького миндаля ударил в ноздри. Опиум. Тот самый рецепт аптекаря, который едва не убил его зимой, теперь стал единственным способом держать спину прямо дольше двух часов.

Она сама насыпала мерную дозу на ноготь большого пальца и протянула ему. Никаких ложек, никакой воды.

— Открой рот.

Он подчинился автоматически. Сухая горечь осела на языке. Луиза закрыла флакон и убрала его обратно в ящик, заперев на ключ. Ключ спрятала в декольте. Это был их ритуал абсолютного доверия: только она знала меру между ясным умом правителя и беспамятством мака.

Её пальцы коснулись его висков. Холодные, уверенные. Она начала массировать их круговыми движениями, продавливая костные выступы с точностью хирурга.

— Делиль прислал изумруды, — сказала она тихо, продолжая разминать его голову. — Те самые, из митры епископа Парижского. Я велела огранить их для твоей новой табакерки. Тебе пойдет зеленый. Он оттеняет желтизну кожи от мигрени.

— Я выгляжу как покойник, — глухо отозвался он, прикрывая глаза и подаваясь навстречу её рукам.

— Ты и есть покойник, которого забыли похоронить, — фыркнула она. — Весь двор знает, что ты живешь только благодаря этой белой пыли и моей крови. Это делает тебя неуязвимым. Никто не смеет метить в человека, который уже мертв. Живых легко убить, призраков бояться.

Его рука взметнулась быстрее мысли. Он перехватил её ладонь, прижал к своим губам, целуя костяшки. Затем резко дернул её на себя. Стул с грохотом отъехал назад. Луиза упала к нему на колени — легкая, как птичья кость. Халат распахнулся, обнажив её бедра.

— Не говори о своей крови, — прохрипел он, зарываясь лицом в изгиб её шеи. От неё пахло бумагой, железом и тем самым дешевым мылом, которое он приказал закупать для госпиталей. — Она принадлежит мне. Каждое биение твоего сердца оплачено золотом короны. Помни об этом.

Зависимость Филиппа от неё стала настолько тотальной, что мысль о том, что она может истратить хоть каплю своей жизни на кого-то другого (даже на спасение тонущего ребенка), вызывала у него животный ужас.

— Я помню, сир, — выдохнула она, обвивая его шею руками. Её ногти впились ему в затылок. — Каждый вдох стоит вам три ливра. Хотите проверить баланс?

Вместо ответа он опрокинул её прямо на ковер, среди разбросанных дипломатических депеш. Шпильки вылетели из её волос, освобождая тяжелую волну, которая тут же смешалась с пылью. Его руки действовали грубо, лихорадочно — сорвали лиф платья, обнажая маленькую, твердую грудь с темно-коричневыми сосками.

Здесь, посреди дня, в любой момент ожидая визита министра финансов, они трахались не ради любви. Это был акт перекалибровки реальности. Он вбивал себя в неё глубоко, жестко, используя ритм боли, чтобы выбить красное марево мигрени из виска. Она принимала каждый удар, встречая движение бедер своими, царапая его плечи до глубоких кровавых борозд.

На полу, под лопаткой Луизы, лежало письмо из Рима с папским интердиктом. Скользящий атлас её юбки сбился комом вокруг талии, открывая взгляду синяки на внутренней стороне бедер — следы прошлой ночи.

Они кончили одновременно, беззвучно, содрогаясь в цепких объятиях друг друга. Белый парчовый халат Филиппа окончательно утратил всякий вид, пропитавшись уличной пылью с ковра.

Когда дыхание выровнялось, он остался лежать на ней, придавив весом своего истощенного тела. Прижался ухом к её груди, слушая стук сердца. Ровный. Быстрый. Живой.

— Зеленый цвет... действительно неплох, — пробормотал он в её кожу.

— Конечно, неплох, — она запустила пальцы в его влажные волосы, перебирая седые пряди. — Потому что я выбирала. Поднимайся. Через десять минут совет. Если министры увидят твои голые ягодицы, курс акций упадет еще до обеда.

Филипп тяжело перекатился на бок, чувствуя, как каждая мышца воет от усталости. Луиза села, приводя одежду в относительный порядок. Поправила кружева, стерла пятнышко крови с его подбородка (он слишком сильно прикусил губу) и подняла с пола письмо понтифика.

— Что будем делать с этим? — она помахала пергаментом. — Архиепископ отказывается служить мессе, пока анафема не снята.

— Дай ему золота. И пришли ко мне Аделаиду, — Филипп сел, затягивая пояс халата. Глаза его уже стекленели, погружаясь в привычную маску отстраненности. Голос становился

ровным, официальным. — Скажи ей, что если Папа хочет получить свои церковные налоги, пусть пришлет легата, который умеет читать написанное между строк. Франция больше не покупает индульгенции. Мы арендуем Бога. По рыночной цене.

Луиза кивнула. Наклонилась, подобрала брошенную на кресле корону — малую, повседневную, из черненого серебра. Протянула ему.

Призрак надел свою маску. Игра престолов перешла в фазу бюрократии.

Глава 18. Строительство власти

Осенью голод окончательно отступил, загнанный в трущобы регулярными пайками, но на смену ему пришла лихорадка иного рода — строительный зуд регента. Филипп не просто правил страной, он перекраивал её скелет. Под его взглядом Париж из гниющей раны превращался в мраморный организм.

— Снести всё к дьяволу, — бросил регент, тыкая тростью с золотым набалдашником в сторону узкой, зловонной улицы Ферронри.

Архитектор Жак-Анж Габриель мелко дрожал, держа под мышкой рулоны чертежей Королевской площади (будущей площади Согласия).

— Ваше величество, там дома шестнадцатого века... Историческая ценность...

— Гниль исторически ценна только для червей, — отрезал Филипп. Он стоял на помосте у моста Руаяль, ветер трепал тяжелые кружева его манжет. Лицо регента заострилось еще сильнее, приобретя хищную элегантность стального клинка. — Мне нужен воздух. Ветер должен продувать город от Лувра до аббатства Сен-Жермен, чтобы чума больше никогда не нашла здесь пристанища. Платите владельцам вдвое. Если начнут скулить о памяти предков — напомните им про Бастилию. У меня там как раз освободились камеры.

Луиза стояла чуть поодаль, кутаясь в тяжелый плащ на меху. Она больше не носила белых платьев победительницы. Её гардероб стал темным, мужским, функциональным: сукно, кожа, минимум шелка. Пока Филипп смотрел вдаль, видя призрак нового Рима, она смотрела вниз, на воду Сены, отмечая скорость течения и то, как баржи с лесом проходят под арками.

— Лес сырой, — тихо сказала она, когда архитектор отошел отдать распоряжения. — Его сплавляли слишком медленно, бревна напитались водой. Опоры Нового моста начнут гнить через пять лет.

Филипп перевел взгляд с панорамы города на неё. На её профиль, четко вырисовывающийся на фоне серого неба.

— Заменим камень на лиственницу. И пропитаем смолой. Дороже, но дольше, — он взял её за руку, снимая тонкую кожаную перчатку. Поцеловал замерзшие костяшки. — Ты смотришь на мосты лучше, чем мой первый министр.

— Потому что твой первый министр считает деньги, а я считаю трупы, которые поплывут по реке, если мост рухнет во время эвакуации, — она позволила ему держать свою руку, но пальцы оставались расслабленными, без ответной ласки. Между ними всегда сохранялось расстояние в миллиметр интимности — они были сообщниками, а не влюбленными голубками.

Вечером того же дня состоялся прием в новом Салоне Войны. Стены цвета запекшейся крови, золото рам, тяжелая мебель, способная выдержать вес государственной тайны.

Аделаида де Тианж превратилась в бледную тень самой себя. Маркиза постарела на десять лет за полгода. Она всё ещё блистала умом, но её красота стала хрупкой, осенней. Она была нужна двору как символ связи эпох, но власть её испарилась вместе с золотом церкви.

Она подошла к Луизе, стоявшей у камина. Протянула чашку с шоколадом.

— Вы одержали полную победу, моя королева, — голос Аделаиды был ровен, но руки слегка дрожали. — Король смотрит на вас так, будто вы единственный реальный человек среди этих кукол. Говорят, вы лично проверяете качество пороха на складах Венсена.

— Кто-то же должен делать это, пока архиепископ спорит с Папой о длине сутаны, — спокойно ответила Луиза, принимая чашку. Шоколад стоил целое состояние. — Как ваша мигрень, маркиза?

— Проходит, когда я перестаю читать депеши вашего мужа, — усмехнулась Аделаида. Сделала глоток. Помолчала. Затем добавила тише: — Будьте осторожны. Опиум дарит крылья,

но однажды вы обнаружите, что забыли, как ходить по земле без него. Я видела это с вашим свекром.

Это было предупреждение. Или попытка сближения двух женщин, запертых в золотой клетке с одним безумцем. Луиза посмотрела на свои ногти, затем прямо в глаза бывшей наставнице.

— Я хожу по земле, заваленной мертвецами, Аделаида. Крылья мне ни к чему. Передайте мужу мои поздравления. Контракт на поставку шерсти для армии ваш. Цена та же, что мы обсуждали. Но грузчики теперь будут из моей личной охраны. Чтобы никакой «усушки» товара в пути.

Разговор был окончен. Аделаида присела в реверансе и растворилась в толпе. Луиза допила шоколад и обернулась.

Филипп стоял в дальнем конце салона, окруженный генералами. Он что-то горячо доказывал, чертя схемы маневров на стекле зеркала обшлагом рукава. Его энергия была пугающей. Казалось, демоны голода выжгли в нем всё лишнее, оставив только чистый механизм воли.

Он почувствовал её взгляд. Обернулся. Их взгляды встретились через головы смеющихся придворных. Это длилось секунду. Но этой секунды хватило.

Код остался прежним: *«Я вижу тебя настоящую. Не дай им обмануть тебя своим восхищением»*.

Ночь опустилась на Версаль. Они бежали сюда от духоты Тюильри — инстинктивно, словно звери возвращаются в разоренное логово, чтобы доказать себе, что могут в него вернуться.

Кабинет короля в Малом Трианоне. Тот самый стол красного дерева, который видел рождение их союза над картами голодающего Парижа.

Филипп сидел в кресле, расстегнув воротник рубашки. Свечи оплывали высокими столбами. Он выглядел истощенным до предела — кожа туго обтягивала кости, под глазами залегли фиолетовые тени. Мигрень снова грызла висок, несмотря на дозу порошка, принятую час назад.

Луиза вошла бесшумно. Заперла дверь на ключ. Подошла сзади. Положила ладони на его плечи. Кожа под тонкой батистовой тканью была горячей и влажной.

— Совет затянулся, — констатировала она. Пальцы начали методично разминать узлы мышц у основания шеи. Движения были жесткими, профессиональными. — Герцог Бурбонский пытался оспорить налог на соль. Пришлось напомнить ему, где именно нашли те самые письма его матери.

— Напомнила? — выдохнул он, прикрывая глаза и подаваясь навстречу её пальцам.

— Показала копии, — она обошла кресло, встала между его коленями. Наклонилась, опираясь руками о дубовые подлокотники по обе стороны от него. Корсет платья скрипнул. От неё пахло кожей, дымом и едва уловимым металлическим привкусом крови — она снова закусывала губу. — Он подписал всё. Включая право казначейства проверять его личные сундуки. Взамен обещал молиться за спасение вашей души каждое воскресенье.

Филипп поднял голову. Посмотрел на неё снизу вверх. Расстояние между их лицами сократилось до дыхания.

— Моя душа принадлежит тебе, — прошептал он. Голос звучал низко, вибрирующе. — Вместе со всеми долгами. Раздаться.

Это не было просьбой любовника. Это был приказ врача или палача. Ему нужно было увидеть её тело, убедиться, что металл внутри неё не проржавел от соприкосновения с двором.

Луиза медленно начала раздеваться. Расстегнула крючки на спине. Платье цвета ночи упало к ногам. За ним последовала нижняя сорочка. Она осталась стоять перед ним в одной рубашке из тонкого батиста, освещенная десятком свечей.

Её тело изменилось. Ушла подростковая мягкость, которой он наслаждался в Реймсе. Теперь это был инструмент: плоский живот, твердые мышцы бедер, шрамы на предплечьях от тренировок со шпагой, которых не скрывал даже атлас. Грудь стали полнее, тяжелее — следствие жизни в тепле после ледяной зимы. Но талия оставалась опасно тонкой.

Она шагнула ближе. Перекинула ногу через его колени, оседлав его. Батистовая рубашка задралась, обнажая бедра.

Филипп положил руки ей на талию. Его ладони показались огромными на её хрупком теле. Он провел большим пальцем по выступающим костям таза.

— Ты ешь? — спросил он вдруг. Вопрос прозвучал настолько неуместно в контексте их наготы, что Луиза замерла. — Я смотрю на тебя и вижу кинжал. Когда ты последний раз ела суп, а не жевала бумагу за моим столом?

Вместо ответа она взяла его правую руку. Прижала ладонью к своему животу. Прямо туда, где под тонкой кожей пульсировала артерия. Жаркая, живая, сильная.

— Вот мой суп, сир, — прошептала она. — Чувствуете? Я варю его из вашего страха. Из ненависти Аделаиды. Из золота Делиллы. Пока эта жила бьется, Франция стоит. А теперь перестаньте считать мои ребра и делайте свою работу.

Она наклонилась и поцеловала его. Глубоко, требовательно, языком раздвигая губы. Это был поцелуй собственника.

И Филипп сдался. Уронил голову ей на плечо, вдыхая запах её кожи, и позволил тьме взять верх. Стол жалобно скрипеть под тяжестью двоих тел, стоны заглушали воспоминания о герцоге Бурбоне, соляных налогах и холодном взгляде Аделаиды глубоко в горячее лоно своей королевы.

За окнами Трианона шумел ночной парк. Эпоха Регентства подходила к концу. Впереди маячила абсолютная монархия, и эти двое собирались построить её на костях своих врагов, скрепив фундамент собственной кровью.

Глава 19. Механизм из плоти

Декабрь принес в Версаль не снег, а ледяную корку на лужах и сухой, разреженный воздух, от которого болели легкие.

Королевский двор окончательно переехал сюда, оставив Тюильри архитекторам. Версаль при Филиппе стал похож на военный лагерь, прикрытый фасадом барочной роскоши. Золото здесь больше не сияло — оно давило. Потолок Зеркальной галереи казался низким небом, готовым рухнуть под тяжестью амбиций.

Филипп стоял у окна своих личных покоев. Он был одет безупречно: синий камзол, расшитый серебром, белоснежное кружево, бриллиантовые пряжки. Но если присмотреться, становилось заметно, как сильно сдал регент за этот год абсолютной власти. Плечи ссутулились под весом ответственности, вокруг глаз залегли глубокие тени, похожие на синяки, а пальцы, держащие бокал с водой, мелко подрагивали. Опиум перестал быть спасением; теперь он лишь позволял костям не рассыпаться.

— Габсбурги предлагают брак, — сказал он в пространство, не оборачиваясь. Голос звучал глухо. — Мария-Анна-Виктория. Младшая сестра испанской королевы. Ей восемь лет. Они хотят нашего Людовика. Взамен обещают признать польские притязания и закрыть глаза на наш флот.

Луиза сидела в глубоком вольтеровском кресле у потрескивающего камина. На ней было простое платье из серого шелка без фижм — она ненавидела моду этого десятилетия за её нелепую пышность, мешающую быстро двигаться. Она читала донесение о состоянии лесов Фонтенбло. Деревья гнили изнутри.

— Откажи, — бросила она, даже не подняв головы от бумаги. — Людовик слишком ценный генетический материал, чтобы отдавать его испанцам. Их кровь проклята гемофилией. Нам нужен здоровый наследник, способный пережить оспу, а не фарфоровая кукла для алтаря. Напиши им, что мальчик любит только свою мать... то есть тебя. Это их деморализует сильнее.

Филипп наконец повернулся. Медленно подошел к ней. Сел на ручку кресла, тяжело опершись коленом о мягкий подлокотник.

— Ты невыносима, — прошептал он, проводя пальцем по её скуле. Кожа была прохладной. — Мы говорим о европейской политике. Об альянсах, которые держат Францию над пропастью. А ты говоришь о почках ребенка.

— Альянсы пишут чернилами, Филипп. Кровь пишет историю, — она отложила бумагу и посмотрела на него снизу вверх. В её прозрачных глазах не было ни капли тепла. Только бесконечная, пугающая ясность. — Если наш сын умрет от кашля, потому что мы дали ему больную мать ради улыбки Мадрида, твои договоры сгорят вместе с нами в топке революции. Я предпочитаю здоровые почки.

Он смотрел на неё долго. Смотрел так, как смотрят на чудо или на собственное безумие. За эти два года она перестала быть просто дерзкой девчонкой. Она стала функцией государства. Его нервной системой. Холодной, расчетливой, лишенной иллюзий душой Франции.

Его рука скользнула с её лица на шею. Большим пальцем он нащупал бешено бьющуюся жилку. Затем его ладонь двинулась ниже, легла на её плечо, стягивая лиф платья вниз. Серый шелк треснул — тонкая ткань не выдержала резкого движения.

— Что ты делаешь? — спросила она ровным голосом, хотя дыхание слегка сбилось. Рука министра финансов лежала раскрытой на столике рядом, забытая.

— Проверяю пульс империи, — хрипло ответил он. — Докладывай дальше. Пока я буду доказывать тебе, что всё ещё способен чувствовать что-то кроме боли в затылке.

Он поднял её из кресла одним рывком. Тяжелое кресло отъехало назад, царапнув паркет. Луиза не сопротивлялась, лишь позволила себе короткий выдох, когда он впечатал её спиной

в дубовую панель стены рядом с камином. Жар огня лизнул её босые ноги (она всегда снимала туфли в его присутствии).

Каждое движение Филиппа было выверенным, призванным снять напряжение с конкретных узлов её тела. Его губы нашли точку на её шее, которая заставляла её запрокидывать голову. Его руки жестко мяли бедра, разводя их, вынуждая обвить его талию ногами. Подол серого платья задрался до талии, открывая отсутствие белья — практичность, которую она никогда не забывала даже в спальне.

— Испания... шпионит... через портного... — выдавила она между толчками, впиваясь ногтями в его плечи сквозь жесткий атлас камзола. Её аналитический мозг отказывался отключаться, превращая секс в очередной доклад. — У них агент... в министерстве флота...

— Знаю... — выдохнул он ей в рот, ускоряя ритм, вбивая слова обратно в её горло губками, требовательными поцелуями. Ему нужно было выбить из неё эту сухую статистику, заставить её стать просто женщиной, хотя бы на несколько минут. — Мой человек... там же... сливает им дезинформацию...

Они трахались посреди геополитики. Стоя, жестко, ритмично. Скрип паркета отсчитывал такт лучше любых маятниковых часов Версаля. Для Филиппа это был единственный способ заземлиться, почувствовать вес собственного тела, который исчезал под дозами лауданума. Для Луизы — способ сбросить колоссальное давление информации, пропустить ток государственной тревоги через плоть, чтобы разум снова стал чистым.

Оргазм накрыл их одновременно — тихий, конвульсивный спазм двух людей, связанных крепче любых брачных уз. Филипп едва успел зажать ей рот ладонью, подавив сорвавшийся с её губ звук, который был больше похож на смешок облегчения, чем на стон страсти.

Когда дрожь утихла, он продолжал держать её, прижимая к стене, положив подбородок ей на макушку. Оба тяжело дышали. От её волос пахло дымом и морозом.

— Агент министерства флота... ликвидирован сегодня утром, — сказала она первой, возвращаясь к реальности. Голос звучал немного хрипло. — Вышел в окно. Три этажа. Несчастный случай.

— Хорошо, — пробормотал он, целуя её висок. — Что с лесами?

— Гниль проникла глубоко. Придется вырубать гектарами. Нужны деньги.

— Продадим титул герцога Орлеанского какому-нибудь буржуа. Пусть радуется железке на шляпе, пока мы строим корабли из его золота.

Она тихо рассмеялась. Впервые за весь вечер в этом звуке проскользнуло что-то живое, почти теплое.

Филипп медленно опустил её на пол. Поправил на ней разорванное платье, заколов булавкой лиф так, чтобы декольте выглядело естественно растрепанным, а не варварски сорванным.

— Иди ко мне, — сказал он, перебираясь в свое массивное рабочее кресло у стола. Развел колени.

Луиза поняла всё без слов. Она подошла, сняла остатки серого шелка совсем, оставшись обнаженной в свете камина, и села к нему на колени лицом к лицу, спиной к столу. Прижалась, укрывая их обоих полами его тяжелого парчового халата, который он накинул на плечи.

Так они и сидели в тишине кабинета: король-функция и королева-механизм. Дыша в унисон, слушая, как воет ветер в дымоходах Версаля. Государство работало исправно, смазанное их общей кровью и потом. Впереди ждала коронация юного Людовика XVI и передача власти. Но оба знали: шестеренки будут крутиться ровно до тех пор, пока эта женщина может сидеть на коленях этого мужчины, считая удары его сердца.

Глава 20. Эпилог для двоих

Прошло пять лет.

Сентябрь 1735 года. Марли-ле-Руа.

Ветер шелестел в кронах платанов, пахнувших сухой травой и осенью. Здесь не было тяжелой позолоты Версаля, только светлый камень, стекло и воздух. Филипп II Орлеанский, регент Франции, умирал от сердечного приступа на террасе своего любимого дворца.

Он сидел в глубоком плетеном кресле. Камзол был расстегнут, кружево сорочки собилось набок. Лицо приобрело тот самый землистый оттенок, который Луиза впервые увидела много лет назад в Реймсе во время коронации. Но сейчас в его глазах не было паники умирающего зверя — лишь бесконечная, тяжелая усталость человека, донесшего неподъемный груз до конца дистанции.

Луиза сидела на ступенях террасы прямо перед ним, прислонившись головой к его коленям. На ней было простое муслиновое платье без корсета — одежда, которую она ввела в моду при дворе своей абсолютной естественностью. Седина уже заметно посеребрила её темные волосы на висках, но тело оставалось гибким, а руки — сильными.

— Дышать... больно, — прохрипел он, положив тяжелую, всё еще ухоженную руку ей на затылок. Пальцы зарылись в густые пряди. — Как будто кто-то затянул шнуровку на груди.

— Это не корсет, *mon amour*, — тихо ответила она, не открывая глаз. Её ладонь лежала поверх его сердца. Она чувствовала, как под тонкой тканью рубашки мышца бьется рвано, хаотично, пытаясь вырваться из грудной клетки. — Это просто механизм отработал свой срок.

Филипп усмехнулся уголком губ. Усмешка вышла болезненной.

— Механизм... Ты всегда видела во мне только шестеренки. Даже когда я трахал тебя на карте Парижа.

— Потому что ты и был механизмом, — она открыла глаза. Прозрачный серый взгляд был чист, как зимнее небо. — Самым прекрасным и самым жестоким механизмом власти, который я встречала. Ты спас Францию, Филипп. Выгреб из выгребной ямы после Короля-Солнца. Теперь можешь перестать крутить педали.

Его дыхание стало поверхностным. Он смотрел на неё сверху вниз, запоминая каждую черту: морщинки в уголках глаз, родинку на шее, то, как солнце подсвечивает седину в её волосах.

За эти годы их любовь трансформировалась во что-то третье, чему нет названия в человеческом языке. Они давно перестали быть любовниками в классическом смысле — страсть уступила место абсолютному симбиозу. Их тела знали друг друга лучше, чем карты королевств. Они могли довести друг друга до иступления одним взглядом через стол Совета, потому что помнили вкус крови, пота и страха друг друга наизусть.

— Людовик... готов? — выдохнул Филипп. Мысли путались, проваливаясь в темноту.

— Готов настолько, насколько может быть готов мальчик, воспитанный святыми, — фыркнула она. В голосе проскользнула привычная ядовитая нежность. — Я научила его считать налоги и отличать хорошую сталь от плохой. Остальное доделает гильотина или история. Твоя кровь в нем сильна. Он выживет.

— Аделаида?

— Умерла три года назад. С улыбкой. Сказала, что наконец увидит отчетность Бога по расходам душ, — Луиза чуть сжала пальцы на его колене. — Не отвлекайся. Не трать силы на призраков.

Сердце под её рукой пропустило удар. Затем еще один. Ритм замедлился.

Филипп с огромным трудом поднял вторую руку. Коснулся её лица. Провел большим пальцем по линии скулы, затем по губам. Запоминая текстуру.

— Жалеешь? — прошептал он. Вопрос, который они никогда не задавали друг другу вслух за все эти кровавые, грязные, великие годы.

— О чем? — она наклонилась и поцеловала кончик его пальца. Соленый от выступившего холодного пота. — О том, что мы сожрали целую эпоху и не подавились? Нет. Мне нравится наш вкус.

Это была правда. Если бы ей предложили прожить жизнь заново — тихую, благочестивую, замужем за кем-то другим — она бы плюнула предложившему в лицо. Только рядом с этим сломленным, гениальным чудовищем она стала тем пиком лезвия, которым пишут историю.

Его рука соскользнула с её лица. Глаза начали стекленеть, фокусируясь на чем-то за её плечом, видимом только ему.

Но прежде чем тьма окончательно забрала его, он собрал последние крупинки воли. Резко дернул её за руку, заставляя подняться с каменных ступеней и встать между его разведенных колен.

— Сюда, — прохрипел он, притягивая её за бедра ближе к себе, прижимаясь лбом к её животу сквозь тонкую ткань платья. Его большое, тяжелое тело обмякало, оседая в кресле. — Хочу умереть... стоя на земле...

Она поняла мгновенно. Обхватила его голову обеими руками, прижимая к себе, позволяя опираться на себя всем весом. Её ноги стояли твердо на каменных плитах террасы. Она держала его — Регента, Короля, своего Филиппа — так, как держат знамя во время отступления. Стоя. Напрягая мышцы спины и бедер, принимая на себя его угасающую тяжесть.

Так они простояли минуту. Или вечность.

Пока сердце под её пальцами не сделало последний судорожный толчок и не замерло навсегда.

Тишина осеннего парка стала оглушительной. Только ветер шелестел листьями.

Луиза-Антуанетта стояла неподвижно несколько секунд, зажмурившись. Затем медленно, очень осторожно опустила мертвое тело обратно в кресло. Поправила его голову, чтобы подбородок не упал на грудь — это выглядело бы недостойно. Застегнула верхнюю пуговицу его камзола. Отступила на шаг.

Посмотрела на свои ладони. Они были испачканы землей со ступеней и холодным потом регента.

Из-за угла террасы показался капитан швейцарской гвардии. Увидев застывшую фигуру королевы и расслабленное тело в кресле, он побледнел, но остался стоять навтыжку.

— Ваше величество...

— Сир скончался, — голос Луизы звучал ровно, почти буднично, словно она объявляла о начале охоты. — Документы о передаче полномочий юному королю лежат в зеленой папке в моем кабинете. Позовите герцога де Брольи. И прикажите принести горячей воды. Мне нужно вымыть руки.

Она развернулась, подобрав юбки, и пошла ко входу во дворец. Спина прямая, плечи расправлены.

Никто из выбежавших слуг, министров и плачущей челяди не заметил крошечного осколка зеркала, впившегося в кожу её правой ладони — память о той самой спальне в Тюильри зимой. Она сжимала кулак так сильно, что порез снова закровоточил, смешивая старую боль с новой.

Эпоха Филиппа Орлеанского закончилась.

Начиналось Время Луи. И Франция даже не подозревала, что её настоящий правитель только что ушел вслед за своим королем, оставив престол пустым задолго до того, как туда вошел новый монарх.

